

ГЛАВА 3

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ РОССИИ И ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИДЕОЛОГИЙ

Широкие социологические абстракции, к которым, как было показано, относится и идеология, трудно поддаются чёткому определению и тем более измерению. Понимание такого сложного предмета, как идеология и политика, неизбежно включает в себя процесс определения и согласования одной или нескольких перспектив их рассмотрения, ибо слишком большой и слишком спорный объем знаний оказывается проблемой. Тем более, что огромная их часть, как уже было показано, смещена в оценочно-описательную сторону. В первой главе давалось теоретическое рассмотрение идеологии как политического феномена. В этой главе даётся инструментальное рассмотрение идеологии. Нам нужен инструмент для накопления наиболее важных толкований идеологии, чтобы сосредоточиться на этой технике поверх границ разных путанных теорий. Абстрактные теории и рассуждения первой главы преломляются через процесс развёртывания конкретных региональных идеологий в сравнительной перспективе.

3.1. Идеология: операциональная характеристика

Большинство характеристик «идеологических политических деятелей» может быть представлено как различные комбинации элементов в таблице 1. Даётся список из 14 характеристик, где каждая характеристика выступает как одно из определений понятия «идеология» или «идеологический»¹. Список был составлен американским политологом Робертом Патнэмом на основе классической концепции Эдварда Шилза «идеологических политических центров»². Эту концепцию Патнэм охарактеризовал как общепринятую в западной науке. К тому же умелое аналитическое использование данной модели дало последнему возможность выявить важные политические тенден-

ции в сознании и поведении ведущих парламентариев таких стран, как Великобритания и Италия³.

Р. Патнэм сумел удачно «каталогизировать» элементы идеологии, лежащие в основе как пессимистических, так и оптимистических ее трактовок. Подобная классификация, какой бы избирательной она ни оказалась, поможет структурировать саму обсуждаемую проблему, очертив её границы. В принципе, все основные признаки характеристики идеологии (при том, что их авторы могли подвергать друг друга критике) не так уж противоречат друг другу и, если их рассматривать в комплексе, позволяют выявить более или менее адекватно сущность рассматриваемого феномена.

Определение Шилза-Патнэма «идеологической политики» подразумевает, что «политика должна проводиться с точки зрения последовательной разносторонней совокупности убеждений, которая охватывает каждое последующее рассмотрение»⁴. То есть к доминирующей характеристике (элемент 1 табл.1) добавляются следующие элементы:

Таблица 1

Характеристики «идеологических политических деятелей»

Элементы определения «Идеологическая политика» или «Идеология»: Политик может быть назван «идеологическим», если он ... (выбор одного или многих пунктов):

1. Имеет разностороннюю, последовательную, дедуктивно организованную систему убеждений.
2. Имеет определенную, сознательно проводимую систему убеждений.
3. Имеет систему убеждений, которая «закрыта», тверда, сопротивляема к новой информации.
4. Имеет систему убеждений, которая эмоционально заряжена.
5. Имеет систему убеждений, которая искажает или свехупрощает реальность, которая изменчива и нерациональна.
6. Движим философией истории и/или социальной теорией, которая приложима к повседневным вопросам и результатам.
7. Смешивает их с абстрактными принципами, неконкретными интересами.
8. «Утопичен», ориентирован на будущее.

9. Враждебен и нетерпим к политическим оппонентам, склонен к дихотомическим взглядам, человек крайностей, параноик.
10. Противостоит компромиссу, торгу, инкрементализму и другим аспектам «плюралистической» политики.
11. Отчужден от установленных социальных и политических институтов.
12. Экстремист.
13. Заряжен на конфликт и противостоит консенсусу.
14. Авторитарен; нравственный абсолютист; склонен считать, что «цель оправдывает средства»

«Список Шилза-Патнэма» включает в себя довольно сложное накопление эмпирических и нормативных заключений. Они были упорядочены и систематизированы ими в двух формах. Первая — в виде определения: «Некоторые политики имеют характеристику «А» (они проводят политику со своей точки зрения, связывая ее с обширным количеством убеждений). Такие политики — «идеологические». Вторая—в виде гипотезы: «Те политики, которые имеют характеристику «А», также имеют характеристики «В₂-В_n», где путь от «В₂ до В_n» отражает характеристики элементов 2-14...»

Признавая некоторую спорность данных пунктов и определенную интригу всей схемы, они, тем не менее, могут стать средством эффективной операционализации составляющих идеологии локализма. Наше предварительное описание показало, что риторика регионализма — это претензии, выражаемые языком вызова. В нем сосредоточены когнитивная, мотивационная и мобилизационная функции идеологии. Поэтому этот список, будучи «провокативно- фразированным» (по определению самого Патнэма), позволяет выявить наиболее острые стороны регионализма в России и алгоритмы его проявления. С его помощью мы можем выявить также наличие или отсутствие у региональных элит идеологического синдрома — совокупности признаков, объединенных единым механизмом возникновения.

3.2. Политический стиль

Для исследования такого сложного явления, как идеология, нужен весьма утонченный аналитический механизм. Однако очень мало существует наблюдений о том, как рождаются идеологические симво-

лы и установки. Во многих исследованиях связь между причинами идеологии и её следствиями представляется случайной. Главным образом из-за того, что связующий элемент - автономный процесс символического формулирования - обходится молчанием. В этих случаях исследования идеологии следуют от анализа истоков явления к анализу последствий без рассмотрения идеологии как системы взаимодействующих символов и смыслов. Вопрос о том, как идеологии преобразовывают чувство в значение и делают его социально доступным, в подобных случаях обозначается следующим образом. Истоки идеологии (особого рода стрессы или интересы) и их результаты (особого рода символы и смыслы) размещаются рядом друг с другом таким образом, что вторые просто выводятся из первых. Весь процесс представляется закономерным и само собой разумеющимся, особенно когда исследователь достаточно искусен⁵. Но этим самым связь между ними не объясняется, а выводится. Это приводит к банальному результату. Вместо того, чтобы обнаружить ту или иную идеологию, констатируется, что обеспокоенное сознание, порожденное социопсихологическим напряжением, совпадает с идеологией.

На самом же деле природа отношений между социопсихологическими стрессами, которые возбуждают идеологические установки, и развернутыми символическими структурами, через которые этим установкам дается публичное существование, намного сложнее. Этот процесс не может быть объяснен в понятиях смутного и интуитивного эмоционального резонанса.

Процесс развертывания и обозначения символическо-смысловой структуры подобен «черному ящику». Мы знаем, что на «входе» (стресс, напряжение) и что на «выходе» (установки). А что внутри, а именно, как размещаются политические ценности, как группируются идеологические характеристики,—нам неизвестно. В этом «черном ящике» заключена специфическая идеологическая техника порождения смысла. Данный процесс можно обозначить в виде следующего рисунка:

Рис. 1. Процесс зарождения, развёртывания и обозначения идеологических символов.

Теперь мне надо избрать надежный способ расшифровки «черного ящика». Речь пойдет о технологии обнаружения того, как взаимодействуют символические структуры, формируя (или не формируя) региональный синдром в конкретных ситуациях с теми или иными носителями политической воли.

Один из путей расшифровки «идеологической политики» — обозначение «политического стиля». Термин принадлежит Герберту Спайру⁶, чье обсуждение данной проблемы заложило полезные основы для последующих анализов. Сидней Верба и Харви Уотерман использовали понятие «политический стиль» как часть определения «идеологического поведения»⁷. Для моего исследования также необходимо использовать термин «политический стиль» для описания сложностей атрибутов идеологической политики. Политический стиль включает структуру и формальные свойства системы политических взглядов, т. е. пути выхода политических дискуссий и способы, которыми взгляды выражаются. Именно этот культурный аспект политического стиля определяет способ, по которому основополагающие политические воззрения используются в политике и формируют ее.

Политики отличаются друг от друга способами, при помощи которых они анализируют политические проблемы. Они также различаются критериями, выбираемыми ими для оценки событий. Они, наконец, отличаются по контексту, в котором рассматривают вопросы. Каждый опрошенный региональный политик (татарстанский, калмыцкий, нижегородский, саратовский) должен был в процессе интервьюирования обсудить множество политических проблем, с которыми столкнулся его регион. Проблемы ставились в виде следующих вопросов. «Какими вы видите основные факторы, сдерживающие развитие вашего региона (республики)?»; «В чем причина бедности в ре-

гионах?»; «Согласны ли Вы с тем, что республики в составе Российской Федерации должны иметь больше политических прав, чем края и области, или они все должны иметь равные права?» и т. п. (см. Приложение). Каждый респондент должен был проанализировать истоки проблемы и предложить пути решения.

Обсуждаемые представителями элит вопросы позволяют обнаружить убеждения, ценности и мотивы региональных политиков, которые, пока ещё неизвестно каким образом, зависят от более глубокой структуры их личности. Однако эта субъективная интерпретация региональных интересов отнюдь не произвольна. Господствующая политическая сила также испытывает воздействие объективных потребностей развития той общности, которую она представляет. Поэтому в нашем случае поучительнее всего, с одной стороны, рассматривать личные мотивы и установки лидеров и, с другой — окружающую ситуацию так, как если бы они находились в соотношении «тяни-толкай».

Естественно, черты идеологической политики могут группироваться самым различным образом, т. е. может существовать множество различных стилей политических рассуждений. Каждый из этих путей рассуждения о политике назван «стилистической характеристикой».

Таблица 2 иллюстрирует основные темы «политического стиля», обсуждаемые региональными элитами. Можно видеть, какое место занимает каждая стилистическая характеристика для каждого региона. Мне важно было подтвердить наличие признаков региональной идеологии, подчиненных внутренними закономерностями их взаимосвязи друг с другом. Для решения этой задачи выделены путем логического рассмотрения конкретно-эмпирические признаки в качестве предполагаемых критериев регионализма (которые легко можно объединить в терминах близко связанных стилистических характеристик).

Как выяснилось, взаимосвязь эта нередко оказывалась многократно-опосредованной, т. е. корреляция между двумя признаками часто определялась каким-либо третьим признаком, который мог оказаться вне поля зрения в случае проведения простого сравнительного анализа. В итоге, если свойства, ярко характеризующие признак 1, являются яркими характеристиками 2-й, 3-й, 4-й стилистической тем и далее, то мы получаем то, что можно назвать «стилистическим синдромом». Это позволяет говорить о наличии (или отсутствии) «идео-

логического синдрома» у тех или иных локальных правящих групп. Все данные были закодированы, и обработаны на ЭВМ.

Выбор пунктов данной таблицы не был продиктован стремлением дать законченный список возможных стилистических тем. Сама структура таблицы представлена так, чтобы отразить главную форму **идеологии регионализма**. Однако здесь возникают весьма сложные вопросы: **каким образом группируются эти характеристики и существует ли понятная система их организации?** Если да, то тогда, что является ведущим звеном политического стиля? Ответ на эти вопросы позволит обозначить пути и методы организации политических ценностей, выявит первичные акценты в них. Подтвердит ли наше исследование определение и гипотезу Шилза-Патнэма, изложенные в предыдущем параграфе?

По поводу таблицы 2 необходимо сделать еще одно замечание. Как уже было сказано, различные региональные элиты по-разному выстраивают актуальную выборку из множества ценностей, неодинаково сводят эти ценности в иерархию. Таблица позволяет свести все эти перспективы в единую панораму методом когнитивного картирования, которая включает в себя всевозможные зависимости между различными ценностными и событийными характеристиками. Признаки таблицы — это своего рода обобщенные «фреймовые» представления о тех состояниях мира, к которым элиты стремятся, и, наоборот, тех, в которых для них обозначается угроза. Таким образом, мы обозначили зоны интересов данных политических субъектов. Построение таблицы обеспечивает кросс-корреляционный анализ между регионами и признаками.

Идеология как совокупность форм мышления и ценностных представлений весьма аналитична. Идеологии имеют сравнительно широкое вербальное пространство. Значительный его массив представлен онтологическим пластом, утопающим в сознательно-логическом основании. **Идеология выступает как концептуальное обоснование политического поведения, как продуманная система взглядов.** Политические ценности осознаваемы, они выражают политические установки, самостоятельный выбор приоритетов. Поэтому наиболее заметное измерение касается масштаба политической, социально-экономической или какой-нибудь другой теории, из которой респонденты выводят свои рассуждения.

Вот рассуждения губернатора Нижегородской области: «Самое главное, что мной движет — это общеполитическое понимание дела, которое основано на стратегии индивидуальной свободы для личности. Сегодня в Нижнем Новгороде десятки тысяч людей самостоятельно принимают решения, кто-то разоряется, кто-то выигрывает, но они идут вперед. Идеология доверия, идеология свободы — вот что для меня важно. Вот много пишут о Нижегородской и Ульяновской моделях развития, сравнивают их. Если взять в целом, самое главное отличие между нами в том, что они строят коммунизм, а мы — нет. Возьмём, к примеру, нашу земельную реформу. Это, вообще-то, капитализм. Но это не значит, что мы собираемся разваливать традиционную форму в одночасье. Например, разделить на кусочки землю. В смысле рынка, частной собственности, экономической свободы, отсутствия административного нажима это, конечно, капитализм А в смысле традиционного уклада жизни, работы, сохранения сельского сообщества — в данном значении это российский самобытный тип капитализма. У нас здесь осуществляется уникальная модель. Я сейчас вам скажу, почему меня интересует тема сравнения Нижнего Новгорода и Ульяновска. Россия находится на переломном этапе своего развития. Драматизм ситуации состоит в том, что никто не может ответить, какой путь для страны наиболее приемлем, наименее кровав и безболезнен. Лучшей иллюстрацией этой неизвестности является пара регионов: Нижний Новгород и Ульяновск, которые движутся в противоположных направлениях. Ответ на вопрос: «Нижний или Ульяновск?» — это ответ на вопрос о пути России. Губернатор Ульяновской области Юрий Горячев это цельная личность и честный человек. Но в системе созданных им ограничений, которая существует наряду со свободным рынком, где государственная собственность сосуществует со сферой частного интереса, такая система предназначена для административного производства. Это мировоззренческая разница между мной и Горячевым — фундаментальная. Из данных обстоятельств и следует моя поведенческая особенность» (Н-34)⁸.

Данные рассуждения можно определить как наиболее глубокий и завершённый тип идеологической позиции. В приведённом отрывке даже главный вопрос прогресса России ставился в контексте наступательно трактуемой дилеммы о том, куда смещается центр развития общества, и какой исторический субъект его воплощает. В таком док-

тринальном видении современной российской истории находит проявление особая, авторитарно-дихотомическая система политического мышления. Подобный онтологический подход служит наиболее выраженной идеологической санкцией правоты собственных действий.

Дальнейшие примеры только подтверждают тесную взаимосвязь главного звена политического стиля (дедуктивного мышления) с идеологией. Вот логика одного из депутатов Госсовета Татарстана: «В моем представлении в основе татарстанской идеологии лежат тысячелетние философские ценности. Эти ценности можно объединить в несколько аспектов, главные из которых три: общетюркский, исламский и национальный аспекты. Они отражают историческую судьбу нашего народа. Общетюркский аспект показывает татар как часть тюркской цивилизации, уходящей корнями в глубину веков. Исламский аспект отражает многовековой духовный опыт народа как осколка исламской цивилизации. Осколка потому, что в XIX веке у нас произошло реформирование ислама под названием «джадидизм». В итоге он стал отличаться от традиционной мусульманской религии, и его с полным правом можно назвать «евроисламом». И, наконец, сам национальный аспект представляет татар как самобытную общность среди других народов. Объединение всех этих аспектов способствует формированию татарстанской государственности в условиях новой федерации, а также формированию татарстанского этноса в нацию, т. е. в этнос, осознавший себя полноправным субъектом исторического процесса. Такое осознание одновременно есть осознание политической цели — завоевание национальной независимости» (Т-29).

Примеров можно привести еще множество, но напоследок зафиксирую рассуждения одного из советников Президента Татарстана о «глобальном федерализме как философии взаимной ответственности за мир на земле»: «Международное сообщество пребывает в иллюзии, что мир состоит из государств, в то время как он состоит из народов. Лидеры великих держав полагают, что именно они определяют порядок, но их самомнение разбивается о волю народов к свободе и самоопределению... Этот подход выдвигает ценности, стоящие над интересами национальных государств и носящие планетарный характер. Тем самым принцип равноправия народов переходит из плоскости декларации в практическую плоскость» (Т-1)⁹.

Приведенные случаи представляют собой примеры политического анализа, основанные на концептуальном подходе. В сочетании и совпадении этих стилистических параметров нашла свое выражение онтологическая база мышления идеологически ориентированных представителей локальных элит. Подобный подход можно назвать «мировоззренческим», поскольку он заключает в себе оценку проблемы в терминах весьма определенных, во многом исчерпывающих глубину взглядов на реальность. Мировоззренческий стиль имеет сильную тенденцию к всестороннему и полному выражению политических ценностей, которые зачастую охватывают не просто политические действия, но выводятся из более общего набора главных принципов. Он подразумевает глубокое чувство приверженности глобальным и четко обозначенным политическим ценностям, касающимся не только политической, но и других сфер жизни. Если позволить себе более масштабное сравнение, то именно в рамках такого стиля обретали в свое время региональное значение политические теории «панафриканизма» и «негритюда», идеология «исламской революции» и концепция «кавказского союза» и т. д.¹⁰

Противоположные мнения типичны для тех респондентов, которые продемонстрировали низкий уровень политических дебатов в стиле рассмотрения сугубо технических деталей: «Я бы не сказал, что наши регионы бедны. Мы не так бедны. Люди неплохо живут. Правда, есть задержки с выплатами зарплаты. Я бываю во многих местах, знаю людей, они живут нормально. Что еще можно сказать по этому поводу? Россия вся бедная. Она была бедной и при коммунистах (Н-14), или «Нам никто не мешает и никто не помогает. Мы вынуждены за бесценок отдавать свою шерсть. Судите сами, один килограмм шерсти стоит всего 500 рублей, в то время как бутылка «кока-колы» — 800 рублей. Мы тоже не можем реализовать свой рис, поскольку Москва закупила где-то в Таиланде рис по более низкой цене...» (К-31).

И далее в подобном ключе.

Надо отметить, что оценивать подобные суждения нелегко (большинство дискуссий по своему стилю находятся между приведенными выше крайними примерами). Но даже в промежуточных случаях разница отмечается ошутимо.

Дискуссии довольно отчетливо можно разделить по признаку «индуктивное-дедуктивное». Это значит, что респонденты рассужда-

ли дедуктивно от некоторых теоретических построений, концентрируя затем свое внимание на подходящих деталях. Как можно видеть на примерах, это логически упорядоченные системы представлений, прослеживающие достаточно длинные цепи причинно-следственных связей между рассматриваемыми явлениями. Дискуссия разворачивается по оси «теория — проблема» в сторону проблемы: из теории дедуктивным методом формируются рекомендации и указания, и, наоборот, рассуждения фокусируются на абстракциях или подробностях без их построения вокруг какой-то теоретической основы. При движении в этом направлении рекомендации обычно становятся более неопределенными. Как показали сравнения, это не мировоззренческое, а инструментальное (с упором на текущую практику) политическое поведение, делающее ударение не на фундаментальные, а на периферийные предпочтения¹¹.

Между приведенными противоположными моделями можно разместить большое число недоработанных и не до конца отрефлектированных суждений, концепций, программ, не находящихся в логическом единстве друг с другом. Все характеристики по признаку «дедуктивное-индуктивное» были оценены кодированием по 5-балльной шкале «крайне дедуктивное», «умеренно дедуктивное», «смешанный пример», «умеренно индуктивное», «крайне индуктивное». Остальные стилистические признаки были оценены по 3-балльной шкале.

Главный вывод, который можно сделать из данного «стилистического анализа», достаточно очевиден. Политики анализируют политические проблемы различными способами, но их способы анализа меняются наиболее заметно в измерении, который имеет смысл назвать «политическим стилем». Мы можем использовать величину каждого респондента по этому измерению как «Индекс политического стиля» (ИПС). ИПС — измерение, отражающее величину идеологической чувствительности. По мнению Р. Патнэма, он отражает глубину и частоту, с которыми все дискуссии о политике опираются на вполне последовательный и связный набор концепций¹². В нашем случае эту взаимосвязь довольно легко было обнаружить, особенно на примере Калмыкии и Татарстана коды достигают довольно высокой последовательности в их размещении.

Политики, которые используют последовательные и всесторонние теоретические рамки, имеют более высокий ИПС, чем те, чьи ин-

тервью обнаруживают больше эклектики и меньше «оснащены» концептуально. Рисунок 2 показывает, как данные по ИПС соотносятся с данными переменной «дедуктивное мышление». Достаточно очевидно, что ИПС разделяет представителей элиты в соответствии с их склонностью вести политику с точки зрения последовательной и всесторонней системы убеждений. Это значит, что те, кто расположен высоко по ИПС, также стремятся более часто к мотивации идеологическими аргументами в интерпретации политики. Исходя из сказанного, есть основания утверждать, что идеологические политики это те, кто сосредотачивается на фундаментальных принципах, чем на специфических деталях, кто мыслит больше дедуктивно, нежели индуктивно, кто предпочитает выделять роль идей в политике

Таким образом, мы получили действительное эмпирическое подтверждение определения Шилза-Патнэма: «Некоторые политики имеют характеристику «А» — они проводят политику с точки зрения последовательной, всесторонней системы убеждений. Такие политики являются «идеологическими» Теперь рассмотрим гипотезу «2», соединяя главный признак (характеристику «А») с перечнем других признаков идеологического поведения «(В₂-В_n)». Удастся ли обнаружить совпадения других стилистических характеристик между собой по регионам?

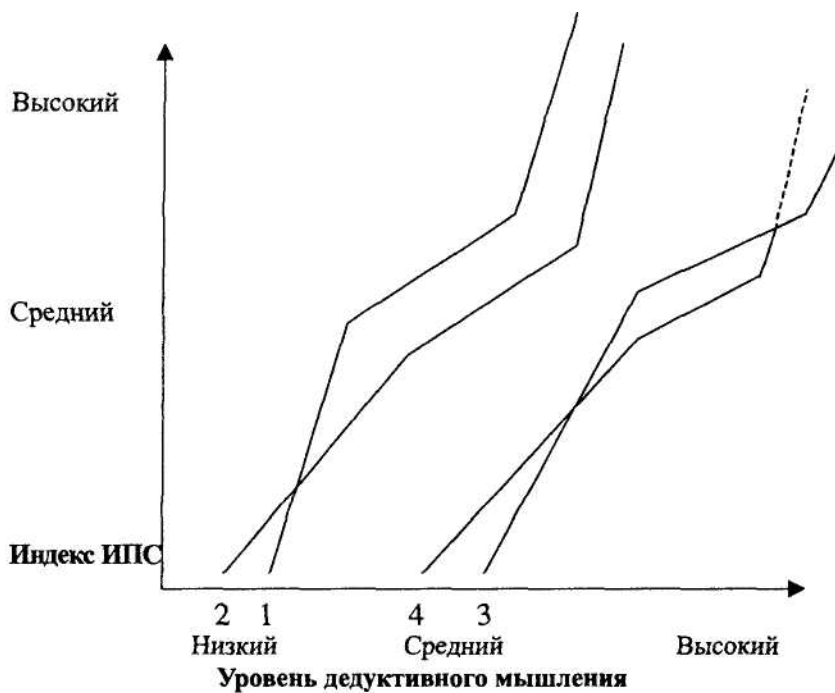

Рис 2. ИПС и дедуктивное мышление по регионам
(критерий идеологической чувствительности)

1. Татарстан.
2. Калмыкия.
3. Нижний Новгород.

4. Саратов (пунктирная часть линии отражает точку зрения, основанную на примерах интервью, проведенных здесь в сентябре 1996 г., т. е. после избрания губернатором Д. Аяцкова).

Таблица 2

Стилистические характеристики в политических дискуссиях элит по регионам (когнитивная панорама)

Стилистические характеристики	Регионы			
	Татарстан N=49	Калмыкия N=45	Нижний Новгород N=48	Саратов N=44
1. Индуктивно-дедуктивное мышление				
Крайне дедуктивное	16	11	6	8
Умеренно дедуктивное	18	23	14	16
Смешанный пример	32	40	46	39
Умеренно индуктивное	30	21	21	27
Крайне индуктивное	4	5	13	10
	100%	100%	100%	100%
Баллы (max=5)	3,1	3,1	2,7	2,8
2. Опора на классическую общеизвестную идеологию (социализм, либерализм и т.п.)				
Постановка в центр дискуссии	5	6	18	17
Неопределённое или попутное использование	20	14	13	23
Отсутствие	75	80	69	60
	100%	100%	100%	100%
Баллы (max=3)	1,2	1,2	1,7	1,7
3. Использование исторического контекста				
Постановка в центр дискуссии	32	29	10	4
Неопределённое или попутное использование	20	32	10	8
Отсутствие	48	39	80	88
	100%	100%	100%	100%
Баллы (max=3)	1,8	1,8	1,1	1,2

4. Региональная самооценка (подчеркивают приоритет своего региона в осуществлении политических и экономических реформ)				
Максимальная выраженность	30	25	7	30
Неопределенная выраженность	38	45	30	27
Отсутствие	32	30	63	43
	100%	100%	100%	100%
Баллы (max=3)	2,0	1,9	1,5	1,5
5. Морализирующая дискуссия (считаю ситуацию в России и политику федерального центра главным препятствием развития своего региона)				
Максимальная выраженность	32	20	8	16
Неопределенная выраженность	30	45	38	46
Отсутствие	38	35	54	38
	100%	100%	100%	100%
Баллы (max=3)	1,9	1,9	1,5	1,8
6. Конкуренция как критерий (сравнение себя с другими, эмоции типа "мы-они")				
Максимальная выраженность	30	30	8	0
Неопределенная выраженность	28	43	23	И
Отсутствие	42	27	69	89
	100%	100%	100%	100%
Баллы (max=3)	1,9	2,0	1,4	1,1

7. Локальная выгода как критерий (поиск и обозначение преимуществ для своего региона)				
Максимальная выраженность	32	22	13	11
Неопределенная выраженность	32	48	31	34
Отсутствие	36	30	56	55
	100%	100%	100%	100%
Баллы (max=3)	2,0	1,7	1,0	1,0
8. Групповая выгода как критерий (обозначение внутриэлитной групповой борьбы)				
Максимальная выраженность	3	0	3	22
Неопределенная выраженность	14	14	7	32
Отсутствие	83	86	90	46
	100%	100%	100%	100%
Баллы (max=3)	1,2	1,1	12	1,8
9. Утопические проекты				
Максимальная выраженность	8	32	58	4
Неопределенная выраженность	26	27	19	9
Отсутствие	66	41	43	87
	100%	100%	100%	100%
Баллы (max=3)	1,4	1,9	1,4	1,1
10. Стоимость как критерий (подсчет прибыли или убытка той или иной политики для региона)				
Максимальная выраженность	34	23	23	14

Неопределённая выраженность	38	36	42	34
Отсутствие	28	41	35	52
	100%	100%	100%	100%
Баллы (max=3)	2,7	1,8	1,8	1,6

Содержательный комментарий этих стилистических характеристик будет дан в следующих параграфах этой главы. Пока же ещё раз отметим, что «Индекс политического стиля» (ИПС) выступает как наиболее правдоподобная версия причинного почерка идеологии.

3.3. Региональный синдром: глубина и содержание политического вызова «снизу»

Одна из таких характеристик касается того, в какой мере респондент помещает анализ проблемы в исторический контекст, ссылаясь на исторические тенденции и обоснования. Чем выше когнитивные способности политиков и склонность дедуктивно мыслить, тем больше у них склонность к историческим аналогиям. Пожалуй, это является наиболее последовательным стилистическим совпадением. Необходимо отметить, что данная характеристика касается не просто ссылок и упоминаний мимолетных исторических событий, а использует исторический контекст в объяснении проблемы. Например, респондент так рассуждает о роли исторического фактора в современной политике Татарстана: «Исторический фактор в значительной мере влияет на менталитет татар, которые хорошо помнят о своей государственности — Булгарском царстве, Золотой Орде, Казанском ханстве. День взятия Казани войсками Ивана Грозного — 15 октября 1552 г. — воспринимается татарами как наиболее трагическая веха в истории. Вместе с тем, четыре столетия пребывания в России, хотя и сопровождались постоянными восстаниями татар, тем не менее выработали нормы совместного проживания с русским народом. Однако исторические аналогии заставляют задуматься о безопасности республики. Татарстан в 1920 году получил «из рук Москвы» права на автономию, но затем, в 1937 году, их полностью лишился. Наряду со стремлением к авторитарности, для России также характерно равнодушие к законности. Поэтому для сохранения своего статуса Татарстан нуждается в

международном признании и контроле международных организаций» (Т-1).

Здесь исторический компонент политической идеологии фигурирует как сущностный. Он активно проявляет себя на пути складывания адекватной целям элиты региональной идеологии. Концептуальной доминантой обращения к истории часто являются политизированные трактовки прошлого. В этом плане история зачастую является оправданием многих претензий. Не случайно о роли истории как науки, находящейся на орбите национальных ценностей в странах, пребывающих в переходной стадии развития, пишут Т. Земба и И. Левяш¹³.

Историческое измерение политической идеологии, являясь самой значительной её характеристикой, выступает здесь в нескольких ипостасях. Во-первых, исторические ссылки и обоснования показывают, насколько часто оказывалась разорванной, насильственно прерываемой национальная традиция, преемственность. Чем чаще традиция оказывалась прерванной, тем напряженнее и структурированное оказывалось идеальное поле, развертывающееся в повествовании политика. Именно данное обстоятельство объясняет то, что в нашей региональной выборке очагами рефлексивной, напряженной идеологической жизни стали Татарстан и Калмыкия. Повествование о трагической истории калмыков в XX веке, в котором было и рассказывание, и эмиграция, и угроза потери родного языка, приводило собеседников к выводу о том, что «в плане защиты культуры и национальных традиций республики должны иметь больше прав, чем края и области». «Двадцатый век был трагическим для калмыков. Мы, наверное, единственный народ в России, который понес такие потери. Мы не восстановили свою дореволюционную численность, оказался пострадавшим генофонд нации. Это тоже наша боль.

Часть калмыцкого народа была казаками — государственными людьми. И калмыки оказались разделенными по обе стороны баррикад в годы гражданской войны. Известный указ 1919 г. Якова Свердлова о рассказывании сильно ударил по нации: калмыков уничтожали целыми станицами. Часть эмигрировала.

Следующий удар на нас обрушился в 1943 г., когда калмыков депортировали. Но в отличие от других депортированных народов, которые после выселения были поселены компактно, нас раскидали по всей Сибири. Люди не могли общаться на своем родном языке. Были

ликвидированы все наши национальные школы, разрушены все хурулы. Перед нами стоит множество проблем. И этот комплекс проблем дополняется проблемой выживаемости калмыцкого народа, сохранения родного языка» (К-37). Постановка вопроса о фатальной роли малых наций в качестве объекта российской политики в прошлом приводит к тому, что наиболее радикальные идеологи этих наций создают собственное мировоззрение, основанное на глубоком недоверии к истории. «Нас никто не спрашивал при выборе для нас общественного устройства. Нас держали на задворках большой политики» (Т-9); «В то время как русские или американцы не задавали себе вопроса, уцелют ли их нации, наше существование всегда могло повиснуть на волоске» (К- 22). Из данных формул лучше усвоен негативный момент осмысления своей истории — её несовместимость со статусом великих держав, игнорирующих судьбу и права малых народов. Во многом это — следствие комплекса прежней политической периферийности национальных элит и агрессивная форма сублимации данной неполноценности.

В итоге, уникальность и самоценность национальных сообществ актуализируются на основе полного разочарования историческим опытом. Стереотип «народа-жертвы», «культуры-жертвы» закладывает региональный синдром и используется элитами для деятельной мотивации. Новейшие инициативы, например, татарстанской элиты по реализации «Модели Татарстана—новой парадигмы» и калмыцкой власти по реализации доктрины «Корпорация «Калмыкия»» направлены, помимо всего прочего, на то, чтобы переломить традицию ущербности, обрести самостоятельную, значимую даже в мировом масштабе роль. Подобные инициативы, как отмечает И. Левяш, характерны и для элит центральноевропейских государств, стоящих перед современным геополитическим выбором¹⁴. Противоречия и вектор данных процессов там и тут соответствуют основным кризисным, т. е. переходным тенденциям современной глобальной и общероссийской динамики, хотя и воплощают их в различных формах и с неравномерной интенсивностью.

Во-вторых, это касается общего ресурса исторической поддержки проводимых в регионах преобразований. Сила и характер влияния данного стилистического признака позволяют делать более масштабные выводы, чем это может показаться на первый взгляд. Весьма

любопытно, что исторические ссылки и обоснования зачастую выступают как фактор, сдерживающий полное торжество либеральных экономических принципов в сознании даже радикально мыслящих политиков-рыночников в республиках. У таких политиков, рассуждавших в широком аналитическом пространстве с дедуктивных позиций, сила исторической аргументации отторгала, например, такую протолиберальную идею, как частная собственность на землю. В ход шло следующее обоснование: «У нас, в национальных республиках, где не было частной собственности на землю, фермерство не приживется. У калмыков была общинная, родовая собственность на землю. Мы прекратили приватизацию в колхозах и совхозах» (К-39).

Данное обстоятельство представляет собой качественную иллюстрацию того факта, что политические представления элиты очень чувствительны к разного рода нюансам.

Проводимые элитами историко-культурные реконструкции нацелены на то, чтобы выделить идеологический момент как сторону преемственности, общности между стадиями провозглашаемого локального мировоззрения: «Вот мы приняли Степное Уложение — новый Основной Закон республики. Мы дали ему такое название не потому, что мы здесь в степи живем, а потому, что мы соблюдаем наши традиции, отдаем дань уважения истории, культуре калмыцкого народа. Потому что в 17 веке Калмыкия имела свое законодательство, свою государственность — Калмыцкое ханство. Поэтому мы так назвали свой Основной Закон, не копируя при этом Великое Степное Уложение» (К-22).

В-третьих, столь же типичной является ситуация, когда исторические обоснования и аналогии подчёркивают единство не только локальных, но и общероссийских интересов. По мнению, например, Вячеслава Илюмжинова (госсекретаря Президента Калмыкии по политическим вопросам), «история монгольских народов изобилует фактами, способными придать новый импульс взаимопониманию и согласию народов, живущих на просторах России». В данной связи калмыцкие лидеры предельно откровенны, когда утверждают, что в акте принятия Степного Уложения и отмены республиканской Конституции подчеркнута претензия Калмыкии сохранить государственное единство Российской Федерации. «Из клятвы богатырей «Джангара», факта добровольного вхождения части ойратов в состав русского государства» в Программе Президента К. Илюмжинова утверждается

идея единства Калмыкии с Россией, идея преданности каждого гражданина республик своему Отечеству: «Мудрый завет Аюки-хана и Петра Великого о тесном союзе двух народов есть незыблемая основа философии наших действий, наших неразрывных отношений с Россией». Тезис о том, что «ни один из малочисленных народов России не внес столь весомую лепту в укрепление могущества Российской империи, как калмыки», подтверждается интересными данными, сведенными в таблицу 3¹⁵.

Таблица 3

*Участие калмыков во внешних войнах России
в XIII- первой половине XIX веков*

№	Название войн	Годы	Воинские единицы	Число воинов
1.	Северная война	1700-1721	войско и отряды	50000
2.	Персидский поход	1722-1723	отряд	7000
3.	Русско-турецкая	1735-1739	войско	40000
4.	Войны со Швецией	30-40-е гг. XVIII в.	команда, полки	1200
5.	Семилетняя война	1756-1763	полки	5200
6.	Русско-турецкая	1768-1774	войско	20000
7.	Боевые действия за присоединение Крыма	1783-1796	полки, команды	5100
8.	Войны начала XIX в.	1806-1807	полки	12000
9.	Войны первой половины XIX в.	1812-1850	полки	5000

Здесь мы видим поиск конструктивного смысла истории, призванного (в условиях общероссийского идеологического коллапса) подтвердить претензии и роль народов и регионов России в качестве прямых наследников и носителей российской государственности Та-

кое осмысление преодолевает стереотип «народа-жертвы», «культуры-жертвы» и порождает новый масштаб деятельной мотивации региональных элит. Оно (осмысление) в данном случае направлено на гораздо большее — определение концептуальных основ государства, ее философских истоков и естественных границ. В подтверждение этому некоторые политики в Элисте и Казани весьма энергично ставят вопрос: с кого, собственно, начинать описание истории России, если ее коренные народы нередко являются более древними, нежели русские? Нужно ли описание истории начинать с Сибири, Тюркского, Хазарского каганата, Бунтарского царства, жизни других древних народов, и, следовательно, признать их государствообразующими этносами, а Россию полиэтническим государством? Или же, опустив жизнеописание нерусских народов, начать более традиционно — с политики Московии, ее завоеваний и т. д., т. е. трактовать историю России как чисто русскую?

Эта проблема поднимается не случайно. Подобная ее постановка в своей сути эквивалентна вопросу «Кто несет ответственность за судьбу России?»

Наиболее интересным ответом является суждение Рафаэля Хакимова из казанского Кремля: «... свержение «татарского ига» свелось к замене татарского хана православным царем и к перенесению ханской ставки в Москву... С получением новых титулов («царь казанский», «царь астраханский») Иван IV подтвердил свое право на троны государств-преемников Золотой Орды и, следовательно, самой Золотой Орды. ... Итак, Россия формировалась не на почве Киевской Руси, которая распалась на восемь суверенных государств ещё в XII в. Россия возникла на совершенно новой московской почве, которая была органической частью золотоордынской государственности. С этого времени начинается, собственно, история России, которая с гордостью помещает в свой герб татарские короны. Именно поэтому в истории и политике России отношения Казани и Москвы играли особое, в известном смысле символическое значение»¹⁶

В-четвертых, весьма важным уклоном проводимых региональными элитами историко-культурных реконструкций является обоснование особого статуса той или иной форы региональной власти в продолжающемся споре о правах республик и областей. Эти реконструкции подчеркивают актуальное значение данной проблемы для правя-

щих элит национальных республик. Вот мнение заместителя председателя Народного Хурала Калмыкии: «Самый большой вопрос для федеральных органов власти в том, что они никак не могут определиться с тем, что такое Российская Федерация. Мы говорим: Россия плюс республики есть федеративное государство. А сама Россия — это края и области. Ведь не все республики вошли добровольно в состав России, если говорить честно. Кавказские республики были присоединены в результате длительной войны. Бурятия, Тува, Якутия стали жертвами экономической и политической экспансии русских, когда те хлынули за Урал. Исторически Россия присоединяла все, что плохо лежало рядом. Вот в чем была опасность царской России, потому что она охватывала все, что ей было по зубам. Из этого и надо исходить — Россию составляют края и области, а Российскую Федерацию составляют республики, входящие в состав Матушки-России. Поэтому республика, какая бы она ни была, всегда выше по своему политическому статусу и положению, чем края и области. И равны они по отношению к федеральной власти, а не между собой»¹⁷ (К-6). В этой связи примечательна также позиция депутата Госсовета Татарстана, председателя Всемирного Конгресса татар: «Давайте рассмотрим разницу между правами Татарстана, и, скажем, Свердловской области. Даже будучи формально равноправными, у них различные источники этих прав. Права Татарстана—это собственный суверенитет, источник прав — народ. А права Свердловской области это спущенные права из центра, чтобы и Москве было хорошо, и области. Разницу почему я так сильно детализирую? Ведь как получается с правами областей: кто дал, тот и отнял. Были сегодня права у области, завтра — их нет, Ельцин отнял. С республиками так не поступишь, это не просто административные единицы, это ячейки культуры и традиций. За республикой стоит народ, он — источник статуса. Если нашему народу дать возможность свободно работать, то мы будем процветать. Возьмём историю — Булгарское царство, Казанское ханство — они процветали» (Т-17). Две последние цитаты показывают, что их авторы предстают как непримиримые парадигмальные оппоненты проекту «губернизации» России. Именно в отношении федеративного устройства и прав ее субъектов проходит главный водораздел между подходами республиканских и областных элит власти. Калмыцкие и татарстанские политики обосновывают свой статус тем, что считают республики «оте-

чествами» своих этнических групп. Аргументация от имени этнокультурных ценностей стала тем координационным механизмом, который объединяет различные этнические республики, отграничив их от русских регионов¹⁸.

Вышеобозначенные исторические обоснования элит титульных наций в немалой степени определяются их тревогой проектом «губернизации» России. Заявления известных либерал-державников о том, что национальные республики не что иное, как «дутые», искусственно созданные образования» (А Солженицын), что «бытие народов казалось чистой этнографией», а теперь они «предъявляют свои иски» (С. Аверинцев)¹⁹, — воспринимаются как стремление к дезэтнизации, к «отмене» национальностей и роспуску национальных образований в России, выстраиванию федеральной государственности по чисто территориальному, губернскому признаку. Ответом стала защитная идеология национальных элит и ускорение этнизации политических институтов и процессов на местах. Это выразилось в строительстве новой образовательной системы, рассчитанной на внедрение национальных идей среди молодежи ТИТУЛЬНОЙ национальности, прежде всего в Татарстане, и подготовка своих специалистов для прогнозирующих отраслей экономики и гуманитарной сферы в западных университетах, стремление крепче воссоединиться с диаспорой. В Калмыкии уже пять лет существует общество «Хальмг Тангч», исполком которого содействует установлению связей со всеми основными группами калмыцкой диаспоры в мире. Для этой цели в республике готовится также создание Всемирной ассоциации ойрат-монгольского (калмыцкого) народа²⁰. В Татарстане, например, появился акцент на значимость «высокой культуры» для татар не только Татарстана, а и всей диаспоры. Обсуждаются идеи этнокультурного нациестроительства на случай губернизации²¹, формируются идеологемы «нации вне государства», «глобальный федерализм».

Наш анализ показывает, что элиты Нижегородской и Саратовской областей не так настойчивы в поиске исторической основы и идеологических ресурсов в дискуссиях о предоставлении краям и областям прав, сопоставимых с правами республик. Если республиканские власти находят последовательные исторические и сравнительные аргументы в пользу того, что республики должны иметь больше прав, чем края и области, то элиты областей ограничивались незамыслова-

тыми, но твердыми возражениями типа: «А с какой стати?» (Н-42), или: «Мы платим налоги в федеральный бюджет, а многие республики находятся на дотациях. Это несправедливо» (С-18). Более устойчивой идеологической конструкцией в их изложении является идея «единой неделимой России».

Характерный факт. Поиски командой нового саратовского губернатора Д. Аяцкова своей региональной идеологии привели к тому, что в качестве символа исторической доблести региона стал усиленно пропагандироваться бывший царский премьер-министр П.А. Столыпин. Однако любопытно не это, поскольку Столыпин действительно был саратовским губернатором. Интересно то, что навязчивым заклинанием у местной номенклатуры стали его слова, произнесенные в Государственной Думе: «Нам нужна Великая Россия». Как пишут местные аналитики, официально санкционированное рвение по канонизации Столыпина немного утихло лишь тогда, когда журналисты напомнили в печати и о других деяниях бывшего премьера: о «стольпинских галстуках» и «стольпинских вагонах»²².

В приведенном сравнении республик, с одной стороны, и областей, с другой, четко видно, что порождаемая республиканскими верхами концептуально осмысленная сфера абсолютных идеологических значимостей направлена на обретение согласия жителей своего региона через подчеркивание своей культурно-исторической особенности. Республиканские элиты воспринимают свою историю в ее целостности и континуальности, не избегая, правда, всяких произвольных толкований. Усилия же региональных элит не столь последовательны в этом направлении.

Восприятие республик как «отечеств» своих этнических групп лишней раз доказывает, что национальные элиты выражают региональную идеологию прежде всего как культурную систему. Она не имеет ничего общего с идеологиями типа либерализма или социализма, с ориентациями «право-лево-центр». Исторически осознаваемая традиция более восприимчива к догматам самооценки и созданию аутентичных своей культуре теорий. Там, где традиция воспринималась не так остро, либо она воспринималась прежде всего как общероссийская («единая и неделимая Россия»), а не как локальная национально-культурная основа, принципы регионализма проявлялись не так сильно. По крайней мере, не в таком доктринальном стиле, что

видно на примере Нижнего Новгорода и Саратова. Принципы саратовской и нижегородской элит не обладают стилистическим изяществом, характеризующим конструкции цельного образа мира. На таком фоне политическое мировоззрение татарстанской и калмыцкой элит, напротив, характеризуется максимизацией согласованности. В ней сходятся наиболее удачные объяснительные модели в непротиворечивую общую картину региональной рефлексии. Отсюда проистекают ритуальные основы солидарности, смысло-и символосозидания.

Элиты данных республик приняли в качестве одной из идеологических опор своей легитимации роль преемников всех достижений в своем историческом прошлом. Они пытаются изменить ситуацию идеологическим наступлением, способным соединить в массовом сознании давнее и недавнее прошлое с сегодняшними ожиданиями собственного населения. Отсюда — актуализация историко-культурных ценностей, рождение аутентичных символов локализма. Думается, что рассуждения бывшего председателя Госсовета Татарстана (в то время вице-президента республики) В. Лихачева перед европейской делегацией эффектно ставят точку в этом сюжете: «Что давало силы делегации Татарстана в этих (с Россией — А. М.) переговорах? Наша уверенность опиралась на исторические факты. В этом регионе исторически существовало Бунтарское государство и Казанское ханство, и я думаю, что где-то в содержании менталитета татарского народа, представителей других наций, которые здесь проживают, идеи государственности имеют очень сильные исторические корни»²³.

Живая, массовая идеология может взойти только на почве актуальных, проблематизированных ценностей. Как точно подметил Иосиф Дискин, искомая идеология может быть только учуяна в наэлектризованной социальной атмосфере, «как бы собрав в новую картинку осколки расколотых прежних священных витражей»²⁴. Эту идеологическую «сборку» вместе с набором расцветивающих ее лозунгов и специфической риторикой может осуществить лишь элита общества со своим онтологическим вдохновением, попадающим в такт какого-то неровного дыхания народа.

Актуализация этнокультурных ценностей и их универсализация: «Мы еще не осознали своеобразия Татарстана как ценности, которая дает преимущества в общемировом соревновании. Наши преимущества не в нефти, а в людях как носителях своеобразной культуры, эт-

нических традиций и норм морали»²⁵; «В мире таких, как мы, нет, и это прекрасно.» (К-12), — порождает высокую конъюнктуру идеологий. Глобально понимаемый исторический процесс своего региона и своего народа порождает политическую решимость. Отсюда проистекают соответствующие масштабы идеологической чувствительности и масштабы заявляемой элитами ответственности. Сказанное свидетельствует, что важность исторического измерения политической идеологии для властвующих групп колоссальна.

Далее оказалось довольно просто обнаружить эмпирическую корреляцию между приверженностью к историческим рассуждениям и выраженностью региональной самооценки. Частота проявлений черт исторического контекста во многом совпадает с уровнем выраженности регионального самосознания. Обе эти стилистические характеристики присущи тем региональным политикам, которые обладают более высоким «Индексом политического стиля» (ИПС).

Наиболее драматичным примером развития «регионального комплекса» служит высказывание одного из членов правительства Калмыкии: «Нашим политическим плюсом является то, что мы сохранили у себя стабильную ситуацию. И мы хотим, используя данный плюс, сделать из нашей республики маленькую Швейцарию, зону привлечения иностранного капитала. Чтобы этот капитал через Калмыкию входил в российскую экономику, в российский бизнес. Но нам этого не дают делать. Еще Гайдар говорил: «Делай, как я». Мы первыми сформулировали Торговый Кодекс. Мы единственное место в России, где торговые сделки, отношения продавца и покупателя защищены законом» (К-16).

Высказывания лидеров других регионов столь же типичны: «Татарстан своей политикой привел Россию к федерализму, мы первыми пришли к осознанию того, что демократия и федерализм являются синонимами» (Т-16); «В своих реформах органов власти Россия на полгода отстает от Калмыкии...» (К-9); «Наши реформы внимательно изучаются не только в России, но и в странах СНГ. Многие стараются нам подражать, вот совсем недавно у нас работала делегация из Донецкой области Украины...» (Н-14);

«Мы, наверное, единственная область в России, в которой вот уже несколько лет подряд идет политическая борьба властей в откры-

тую» (С-4); «Того, что происходит в Саратове, нет ни в Воронеже, ни в Волгограде, нигде: ситуацией не владеет никто — нет власти» (С-29).

Легко также заметить, что проявление регионального комплекса у той же части рассматриваемых элит сопровождается претензиями и упреками в чей-то адрес, главным образом — в адрес федерального центра. При ближайшем рассмотрении эти упреки приобретают характер морализирующей дискуссии по отношению к центральным властям. Выделение данной стилистической характеристики позволяет увидеть то, в какой степени респондент «морализует» вопрос, возлагая вину за происходящее на кого-нибудь. Корреляция между этими переменными политической идеологии проявляется у элит также очень тесно.

Данная характеристика складывается из утверждений следующего рода: «Необходимо отрегулировать наши отношения с центром. Единственным фактором, сдерживающим развитие региона, является давление из Москвы. Если бы Москва ослабила свое давление хотя бы по одной позиции — налоговой политике, - мы бы решили свои проблемы. Нужно доказать центру наши потенциальные возможности и нашу ценность для всей России. Более того, мы своей практикой могли бы составить модель, которой следовали бы другие регионы Федерации» (К-9). В таком же ключе рассуждает политик из Казани: «Нам мешает центр. В чём именно? Мешает политическая нестабильность в стране. Из-за этого мы много теряем. Это отпугивает многих зарубежных инвесторов. А Москва тем временем держит в своих руках до 85% кредитных ресурсов и не дает возможности эффективно развиваться провинции. И хотя сегодня нет тоталитаризма, сохраняется финансовая империя Москвы. Разного рода шараханья также мешают нам. Только мы разрабатываем свой вариант экономического развития, как появляется какой-то там Гайдар и предлагает «шоковую терапию» (Т-44).

Нижегородские и саратовские политики, как правило, более лаконичны: «Центральным политикам и чиновникам не нужна Россия» (Н-13); «Федеральные власти превратили страну в зоопарк» (С-26).

Региональный комплекс и морализирующая дискуссия другим своим основанием имеют непродуманные и непрофессиональные действия федеральных властей в отношении провинции. Достаточно привести один эпизод, который свидетельствует о том, насколько легкий анализ и пристрастные оценки из Москвы могут оттолкнуть

региональные элиты от центра. А попытки загнать их в угол вызовут только повышенную ответную агрессивность. Так, в докладной записке, подготовленной сотрудниками аналитического Центра Администрации Президента РФ под руководством Петра Филиппова, смысл политики, рекомендуемой непосредственно в отношении Калмыкии, сводился к созданию механизма, позволяющего оперативно корректировать помощь республике в зависимости от конъюнктурных обстоятельств, учитывая полную зависимость республики от федеральных субсидий. Это не единичный пример. В конце апреля и в мае 1993 г. руководство исполнительной власти в России высказывало убеждение, что дотаций и субсидий достойны только те регионы, в которых приватизация идет по государственному плану²⁶. Или, например, эпизод, прокомментированный одним из советников Президента Татарстана: «Мы хорошо помним то, как Москва хотела задушить наш суверенитет в зародыше. Перед референдумом о статусе республики весной 1992 г. нам вообще не давали покоя. Ельцин выступал, а Хасбулатов прямо заявил, что они Казань возьмут штурмом во второй раз после Ивана Грозного, а Шаймиева привезут в Москву в клетке. Это были не пустые слова. Ведь Хасбулатов стоял в Волжске с войсками, где проводились маневры. Мы знаем фамилии тех, кто в Совете Безопасности голосовал за введение войск. А сегодня разного рода шовинистические заявления в прессе Смирнягина, Жириновского, Солженицына, война в Чечне — всё это факторы косвенного давления на нас» (Т-15).

Аналогичную настороженность хорошо выразил один из калмыцких политиков. На вопрос: «Подвергаются ли ваши власти давлению извне?» был дан следующий ответ: «Извне на Калмыкию идет мощное давление двоякого характера. Одна сила—теневой кабинет или мозговой центр при Президенте России, который в нужный момент включает рычаги информационного давления на нас через СМИ. Вторая сила—это механизм давления через органы управления. Так что не всё гладко в наших отношениях с Москвой» (К-21).

В пределах такого политического противостояния наблюдаются наиболее пассионарные проявления регионализма и «морализаторства». Накладывание черт регионального комплекса и морализирующей дискуссии обуславливает особое напряжение тональности выводов респондентов, их жесткость. Все это позволяет утверждать, что

«морализирующие дискуссии» могли получить столь многословную и яркую форму только в пределах распространения регионального комплекса. Такое сочетание дает наиболее крайние параметры регионального синдрома, осуществляемого по схеме: «мы - они», «кто-кого».

Подобные ситуации сопровождаются интенсивной региональной саморефлексией, в своих крайних формах содержащей элементы политической одержимости (от предложений «превратить Калмыкию в полигон рыночных преобразований как пример для всей России» до утверждений о том, что «верхние эшелоны федеральной власти не заинтересованы в процветании Татарстана»). Эта саморефлексия наиболее явно выражается через такие стилистические характеристики как «конкуренция», «локальная выгода» (корреляция между нами по регионам дана в таблице 2). Данные характеристики, выступающие, как правило, в своем совокупном проявлении, свидетельствуют о том, что региональные власти с интересом наблюдают друг за другом, пытаются доказать, что их путь развития наиболее предпочтителен. Чаше всего эти оценки выражают эмоциональные переживания в виде гордости, зависти, локального патриотизма, самоанализа. Иногда последние заявляют о себе как о наступательно-эгоистическом прокламировании собственной значимости. В предыдущем параграфе уже приводилось отношение Б. Немцова к «ульяновской модели» перехода к рынку с его критическими высказываниями в адрес местного губернатора Ю. Горячева. Любопытна его оценка того, что происходит в Калмыкии: «Кирсан Илюмжинов с его ханством и корпорацией «Калмыкия» строит региональный коммунизм. Это такая экзотика, которая интересна для журналиста. Я ему говорил: «Кирсан, не надо быть отцом нации, пусть люди сами выбирают и отвечают за себя. Но ему ведь не докажешь» (Н-1).

С другой стороны, популярность самого Нижнего Новгорода стала сильнейшим раздражителем для идеологов Татарстана, который имеет собственные претензии на лидерство в федерации. Так, Рафаэль Хакимов с экспрессией пишет по этому поводу: «В Австрии политические деятели у меня с извинением спрашивали. «Скажите, пожалуйста, где географически располагается Татарстан? А канцлер Франц Враницкий поинтересовался «Далеко ли находится Татарстан от Нижнего Новгорода?». И это итог так называемой внешней политики¹ Итог работы республиканских информационных служб! Итог многочислен-

ных поездок татарстанских руководителей за границу, в том числе и в Австрию»²⁷.

Понятие «мы», «наше», будь то критерий региональной или групповой идентификации элиты, выступает здесь в качестве главного. В ходе осмысления и переживания собственного опыта правящие группы формируют собственный образ. В нем содержится отношение к себе и отношение к другим, основанное на сопоставлении «себя» с «другими» и на восприятии «себя» «другими».

Необходимо отметить и такой важный признак политического стиля, как утопии. Использование утопий элитами как стандартов для оценки политики делает их важными составляющими идеологического дискурса.

Обычно утопия ассоциируется с тем, что неосуществимо. Однако утопией можно назвать не только то, что неосуществимо, а нечто другое, отличное от того, что существует. У людей всегда есть потребность в новом пути, переменах, идеале. Идеал можно определить как образ, в согласии с которым человек хочет формировать будущее, стало быть, в согласии с которым он должен действовать сегодня. Утопия выполняет, таким образом, целеполагающую функцию, как бы указывая направление и цель движения. Как пишет Э. Баталов, это «своего рода камертон, по которому мы сознательно или неосознано настраиваем себя, задаем себе определенные психологические или нравственные установки»²⁸. Определяя цели, разделяемые большей частью населения, социальная утопия выполняет интегрирующую функцию, сплачивая различные, в т.ч. конфликтующие друг с другом группы вокруг общих интересов, задает их деятельности единый смысл.

Политическая идеология в ее конструктивной и познавательной функциях связана с социальной и политической утопией настолько, что можно говорить об определенной утопической функции идеологии. Французский социолог Э. Морен связывает утопии с политическим возрождением, которое осуществляется в момент глубокого исторического разочарования через интеллектуальное усилие²⁹. Не случайно массовый социальный утопизм активизируется в периоды кризисов и крушения прежних социальных барьеров.

Немалые трудности, с которыми столкнулись региональные власти в новейшей России, позволили им сосредоточиться на разработке содержательной стороны идеала. Анализ показал, что он может фор-

мироваться разными путями. Например, как в Татарстане, конструироваться в виде идеи создания финансово-промышленных групп, каждую из которых обслуживал бы отдельный банк. Или как в Саратове, проявляться в виде рассуждений о создании «Перпетуум-мобиле» — схемы по управлению областью и ее специальными программами. Саратовский пример, несмотря на его единичный характер, является одним из самых экзотических проявлений политической утопии.

Наиболее массовые и яркие примеры такого рода мышления продемонстрировали калмыцкие политики (см. соотношение по регионам в таблице 2). Чаще всего эти примеры получали публичное политическое звучание как определенные сверхзадачи. Так, Президент Калмыкии К. Илюмжинов заявил, что расцвет республики «должен наступить в начале XXI века», и перечислил шаги, необходимые для достижения этой цели. К уже известным планам строительства международного аэропорта и создания сотовой телекоммуникационной системы он добавил следующие: строительство Дворца шахмат, на которое турецкая фирма выделила 10 млн долларов, и возведение отеля высокого европейского класса. Очень интересным в ряду данных идей можно назвать проект превращения Калмыкии в один из центров туризма и игрового бизнеса: «Через республику пройдет платная автодорога (подогреваемая, на восемь полос), соединяющая по кратчайшему пути Россию с Кавказом. И в центре республики, прямо в степи, вдоль дороги будет построен новый город — что-то вроде калмыцкого Лас-Вегаса».

Не только президент республики, но и многие члены его команды увлечены утопическими проектами. Так, один из министров калмыцкого правительства весьма экстравагантно предложил механизм решения проблемы преступности, по которому исправительные учреждения и финансовая корпорация на равных реализовывали бы экологический проект. К ним также относятся заявления о том, что «для обеспечения 70% срочных инвестиций республике нужно использовать всего лишь третью часть денежных ресурсов, остающихся у населения свободными» (К-12).

Ссылки на прошлые утопии составляют обращение к мифологическому образу благодатной земли Бумба, воспетой в калмыцком народном эпосе «Джангар».

Приведенные примеры хорошо обеспечивают высокий рейтинг по шкале «утопии» Причем «бегство в будущее», характерное для калмыцкой элиты власти, не есть выражение какой-то политической патологии её представителей. Это своего рода реакция на положение Калмыкии как наиболее отсталого и наименее престижного сообщества, которое оказалось в худших стартовых условиях на пути перехода к рынку. Данная ситуация способствовала формированию в республике идеологии, ориентированной на достижение черезвычайных целей («второй Кувейт», «вторая Швейцария») с использованием чрезвычайных идей («корпорация «Калмыкия», «экономико-правовой оазис»), обращенных в будущее.

Наш анализ показывает, что стилистические характеристики политической идеологии могут образовывать устойчивые соотношения. Данные таблицы 2 демонстрируют взаимосвязь стилистических признаков, чьи черты эмпирически соотносятся. Это позволяет говорить о наличии или отсутствии идеологического синдрома в тех или иных регионах

Примеры Татарстана и Калмыкии указывают на высокую значимость идеологии регионализма. Все характеристики политического стиля, выражающие регионализм («использование исторического контекста», «региональная самооценка», «морализирующая дискуссия», «конкуренция как критерий», «локальная выгода как критерий») имеют здесь практически равные и высокие нагрузки. Так, для Татарстана они варьируются от 1.8 до 2.0, для Калмыкии — от 1.7 до 2.0. Изучение такой взаимосвязи на примере Нижегородской элиты дает более различающуюся картину — от 1.0 до 1.5, а наиболее «размытое» соотношение у саратовских властей — от 1.0 до 1.9. Наглядно это можно показать по регионам в виде взаимосвязи сцепленных концентрических кругов, как на рисунке 3.

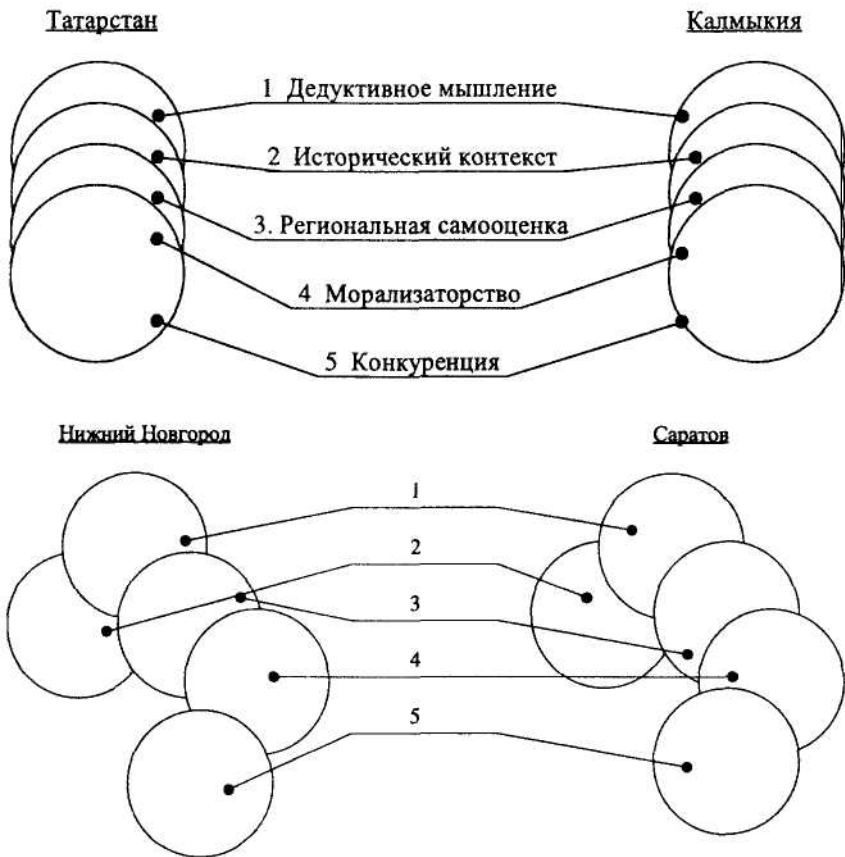

Рис. 3. Связки стилистических характеристик по регионам

Таблица 2 и рисунок 3 свидетельствуют о наличии у республиканских элит устойчивого идеологического синдрома как результата накладывания различных стилистических характеристик, подчиненных внутренним закономерностям взаимосвязи друг с другом. Говоря проще, если показатели, выражающие характеристику 1, ведут к тому, чтобы быть устойчивыми показателями характеристик 2, 3 и 4, то это служит существенным признаком наличия идеологического синдрома в поведении элиты. Как результат, взаимосвязь между ними оказывается многократно опосредованной (рис 3).

Региональный синдром представляет собой процесс, в котором выкристаллизовываются теории и концепции, основанные на ценностях локализма. Этот процесс (на примере Татарстана и Калмыкии) представляет собой картину дедуктивного развертывания, включающего прослеживание все более отдаленных следствий, расширение охвата рассматриваемых явлений и соединение той или иной концепции с другими концептуальными схемами.

Процесс развертывания концепций в данных двух случаях демонстрирует сохранение логической совместимости их составных частей, совпадающих и согласовывающихся с другими концепциями. Это обеспечивает устойчивость регионального синдрома в двух республиках. Примеры же Нижегородской и Саратовской областей говорят об отсутствии такого синдрома.

Из сравнения индексов и нагрузок идеологического стиля вытекает следующее заключение. Средние индексы для областей значительно ниже, чем у республик. Из этих индексов следуют различные идеологические модели региональных элит.

Вопреки ожиданиям, довольно трудно просматриваются идеологические основы политики у нижегородской власти. Как было показано в предыдущем параграфе, Борис Немцов сам размышляет очень последовательно и дедуктивно. Но из общего индекса по Нижнему Новгороду можно сказать, что правящая элита региона вообще размышляет по-иному. Принципы и основы нижегородской политики активно декларируются лидером губернатором, но властвующая группа комментирует их весьма прохладно. Идеологические позиции подавляющей части местных политиков и чиновников характеризуются анонимностью, эклектизмом и в целом маловыразительны.

Очевидно, именно поэтому продуктивный в агитационном плане образ «рыночного флагмана» оказался плоским, лишенным глубоких эмоциональных «вторых- третьих планов», а поэтому не оказывающим заметного влияния на местное общественное мнение. Это было отмечено и в сенсационном выводе И. Клямкина. Вывод гласит, что общий ресурс поддержки нижегородцами здешней приватизации торговли и сферы услуг довольно низок, а оценка — ниже среднероссийской³¹.

Совсем другой пример организации политических ценностей представлен в лице саратовской элиты власти. Групповая консолидация здешних политиков, их разобщенность и фрагментация власти в

целом в области (средний индекс группового эгоизма для Саратова имеет самый высокий показатель) обусловили как отсутствие региональной идеологии, так и собственного политического лица у элиты (по крайней мере до середины 1996 г.).

Пока можно лишь гадать о том, что предложенная новым губернатором Д. Аяцковым идеология «Саратов—столица Поволжья» на практике является не более чем инструментом мобилизации в период губернаторских выборов.

Сказанное по поводу Нижнего Новгорода и Саратова совершенно совместимо с тем, что было написано ранее о формировании политической элиты в данных территориях³². Наше исследование стало в этом плане эмпирическим подтверждением наблюдений местных ученых³³.

Из всего приведенного мной сравнительного анализа вытекает весьма важный вывод. Чем устойчивее региональный синдром, тем напряженнее содержание регионального политического вызова. Калмыцкие и татарстанские политики гораздо более идеологичны, чем нижегородские. В чем тут проблема?

Проблема заключается в наличии у татарстанской и калмыцкой элит структурированной, четко артикулированной и закрытой системы видения локальных интересов с учетом традиционных особенностей власти и своей истории. То есть в более выраженных у республиканских и менее выраженных у областных лидеров идеологических механизмах, обеспечивающих процессы самоидентификации региональных сообществ. Например, для татарстанской и калмыцкой правящих элит такие идеологические конструкции, как «модель Татарстана — новая парадигма», «Евроислам», «Глобальный федерализм», «Татарстанцы—нация», «Корпорация «Калмыкия»», «экономико-правовой оазис» и т. п. стали собственными «великими текстами». Их провозглашение одновременно есть демонстративное противопоставление безликой политике федерального центра. Мотивационные и нормообразующие потенции данных идеологов призваны преодолеть состояние идеологической разобщенности внутри своих сообществ. В силу последовательной и ярко выраженной регионально-культурной приверженности указанные доктрины несут мобилизующую функцию. Они предлагают своим сообществам более воодушевляющую перспективу создания собственных неповторимых моделей развития. Эти модели к тому же оснащены санкцией наследников предыдущих ци-

визаций (монголо-ойратская культура, культура народов Прикамья, Булгарское царство, Калмыцкое ханство и т. д.).

Любопытно на таком фоне рассмотреть идеологию политических элит русских регионов — Нижегородской и Саратовской областей. Большая часть областных политиков в Нижнем Новгороде и Саратове назвала идею «возрождения России как великой державы» единственной идеей, которая могла бы объединить сейчас российское общество. Эти же люди высказывают точку зрения, что «экономика России должна быть единым организмом» и все разговоры о самостоятельности регионов подрывают единое экономическое пространство России.

В то же время данная установка неплохо сочетается у них с приверженностью к абстрактным принципам «демократии», «правового государства, «рыночного благополучия» и т.д. Однако эти принципы получают совсем иное (чуть ли не противоположное) значение при попытке переложить на современную российскую действительность. Так, большинство из региональных политиков, включая республиканских, отметили, что господство либерально-демократических принципов в их гайдаровско-саксовском варианте несовместимо с реализацией идеи «возрождения России как великой державы». Господство такого либерализма, по мнению этого большинства, ведет страну к государственному распаду, фрагментации и колонизации всего российского пространства.

Все это говорит о внутренней запутанности и противоречивости политического мировоззрения подавляющего большинства представителей областных элит власти³⁴. В целом их оценки социально-политической ситуации характеризуются неопределенностью, незавершенностью и пессимистическими ожиданиями³⁵. Элиты русских областей призывают возрождать Россию. Но термин «возрождение» носит весьма неясный характер. Призыв к возрождению России, ее «единству и неделимости» преимущественно отражает эмоциональное недовольство текущей российской политикой. Это недовольство порождает идеологемы общероссийского предназначения. Например, лозунги типа «Нижний Новгород — столица реформ», «Нижний Новгород — «карман» России», «русский Детройт», «Саратов — столица Поволжья» отражают общероссийский размах и претензии.

Рассмотренные мною векторы и модусы региональной самоидентификации обозначают устойчивый водораздел между политической идеологией правящих элит Калмыкии и Татарстана, с одной стороны, и русских областей с другой. В первом случае система политических установок закрыта, ригидна и глубоко «оснащена» концептуально. Во втором случае отчетливо видно открытое региональное самосознание, государственническое в своей основе. В этом дополнительно убеждают суждения лидеров из других русских регионов. Например, выдвигая лозунг «Кубань — опора России», один из бывших глав администрации Краснодарского края Е. Харитонов провозгласил приоритет идеологии здравого смысла над «какой-то разработанной идеологией»³⁶. Даже в разгар политического противостояния центру в 1992-1993 гг. лидер самой сплоченной региональной ассоциации «Сибирское Соглашение» В. Муха заявил, что их ассоциация возникла не как итог реализации какой-то теории или четкой концепции, а как инструментальная реакция на тяготы строительства рыночной экономики. Провозглашая стратегию «открытого регионализма», он подчеркивал роль сибирских губернаторов как лояльных центру государственных и державников³⁷.

Стержневым элементом политического сознания элит русских регионов является образ России, в котором помещен главный смысловой элемент—Держава. Отношение к ней здесь эмоционально выделено и воспринимается как особое. Однако не в смысле права собственности на государство и его институты, что характерно для республиканских элит власти, а в смысле личностной причастности к судьбе России и ответственности за нее.

Наш анализ не оставляет сомнений в том, что правящие элиты регионов по-разному противостоят процессу хаотизации посткоммунистической России.

Элиты областей, как правило, выступают с позиции абстрактных общегосударственных, общероссийских приоритетов. Их ценности мало соответствуют тем идеям и нормам, в рамках которых татарстанские и калмыцкие лидеры осуществляют политику своих «естественных путей» и своих «региональных интересов».

Однако здесь необходимо сделать важное замечание. Полученный результат не является попыткой тотального противопоставления национальных республик русским областям. При иной региональной

выборке (иной аналитической конфигурации) мы могли бы иметь совсем другой результат. В нашем случае Татарстан и Калмыкия — это республики, которые в идеологическом плане являются одними из наиболее показательных. Наряду с ними существуют республики, чья депрессивность и заброшенность во многом являются следствием рутинного и примитивно-рваческого правления местных властвующих групп. Яркий тому пример — Республика Дагестан, для руководства которой характерны предельная невыразительность, отсутствие лидерских качеств и инновационного мышления. Не вдаваясь в дальнейшие комментарии, отметим, что в России существует широкий спектр региональных концепций развития. Вариации в пределах этого спектра не обязательно ведут к противопоставлению республик краям и областям.

Таким образом, стилистический анализ стал в наших руках скальпелем, с помощью которого удалось анатомировать процесс развертывания региональных идеологий. Мы смогли в определенной степени расшифровать «чёрный ящик» — автономный процесс символическо-смыслового формулирования. И в итоге выяснить на практике дистанцию и природу отношений между социопсихологическими стрессами, которые возбуждают идеологические установки и развернутыми символическими структурами, через которые этим установкам дается публичное существование.

Мы получили понятную форму организации идеологии регионализма. А также то, какие идеологические конструкции (символы и смыслы) создаются локальными элитами в результате их экзистенциального поиска и политического самоутверждения. Здесь возникает вопрос: каков характер целеполагания и региональных интересов, выражаемый данными идеологиями?

3.4 Пассионарные и рутинные параметры идеологии регионализма

Региональный синдром образует поле сильной локальной идеи, откуда проистекают символические структуры регионализма (табл. 4). Последние легко распознаются как внутри регионов, так и вне их. Эти идеологемы составляют символическо-смысловой континуум регионализма, его «внутреннее» и «внешнее» измерение.

Данные идеологемы можно рассматривать как своего рода локальные «великие тексты», обозначающие «естественные пути» и «региональные интересы» на пути публичного политического самоутверждения региональных элит.

Однако здесь необходимо сделать весьма важное замечание, которое определяет действительный вес каждой идеологемы в политической жизни региона. В реальной ситуации ни одна из них в отдельности не может выступать в качестве всеобъемлющей характеристики регионального развития. Будучи вариантом истолкования региональной идентичности, каждая из них является ракурсом интерпретации³⁸ локальной модели развития. Так, «Глобальный федерализм», «Евроислам» служат ракурсами интерпретации «Модели Татарстана»; «Экономико-правовой оазис» - в качестве ракурса интерпретации «Корпорация «Калмыкия»» и т. д. Все ракурсы интерпретации должны быть учтены, но ни один из них не является единственно возможным. Очевидна заведомая относительность правоты каждого. Ни один из них не может быть охарактеризован как путь того или иного региона. Вопрос о «пути» будет решаться на пересечении этих ракурсов. Последние вскрывают региональную специфику в переходном обществе, претензии и интересы правящих групп, а также культурные ресурсы, привлекаемые каждой из них. Лишь совокупное их действие образует региональную идеологическую и политическую целостность.

Таблица 4

Характер и направления основных идеологических доктрин в политических дискуссиях элит по регионам

Регион	Концепции (идеологемы)	Направления
1. Татарстан	«Модель Татарстана - новая парадигма» «Татарстанцы - нация» «Евроислам» «Глобальный федерализм» «Татарская диаспора» «Мягкое вхождение в рынок»	1. Обращение к населению Татарстана. 2. Апелляция к мировому обществу и международным организациям. 3. Апелляция к Москве. 4. Обращение к исламскому миру. 5. Обращение к татарской диаспоре.

		6. Обращение к соседним народам (идея Волго-Уральского содружества тюркских и финно-угорских народов) и странам СНГ
2. Калмыкия	"Корпорация "Калмыкия" "Экономико-правовой оазис" "Монголо-ойратская цивилизация"	1. Обращение к населению Калмыкии 2. Апелляция к мировому сообществу 3. Апелляция к Москве 4. Обращение к буддистской традиции и философии Востока 5. Обращение в будущее
3. Нижний Новгород	"Частная собственность" «Свобода» «русский Детройт» «Нижний Новгород - «карман» России"	1. Апелляция к Москве 2. Апелляция к республикам Российской Федерации
4. Саратов	"демократия - правовое государство" "Перпетуум-мобиле" "Единая и неделимая Россия"	1. Апелляция различных ветвей власти и политических группировок региона друг к другу. 2. Апелляция к Москве

В периоды идеологических и цивилизационных поисков неизбежно проявляется статус элиты как носителя идеоцивилизационных потенциалов. Возводимые ею идеологические конструкции служат «программами», которые обеспечивают шаблонами весь ход политической жизни. Здесь в полной мере подтверждается наша мысль о том, что идеология есть шаблонизированная реакция на шаблонизированное отчаяние кризисного сознания, что в периоды социопсихологических стрессов процветает поиск систематизированных идеологических формулировок. Их цель — сделать возможной автономную политику путем обеспечения авторитетными понятиями (придают ей смысл), убедительными образами, посредством которых она может быть вразумительно постигнута.

При всей разности культурного содержания изложенных идеологием по регионам, их объединяет устойчивое антимосковское начало (с обязательным упором на антигайдаризм как либеральную антигосударственную практику). Антимосковское начало составляет смысл и направленность идеологической консолидации и публичных претензий локальных элит как республика, так и областей.

В отличие от российских либерал-реформаторов, ориентированных на очередное «великое учение» (теорию «Чикагской школы»), татарстанские и калмыцкие реформаторы мобилизовали собственные культурные ресурсы и поставили их себе на службу. Они сумели это сделать за счет обращения к своему наследию (историческому, этническому, религиозному).

В свете данных усилий элиты считают весьма рискованными попытки слепого подражания и копирования западных моделей, грозящих утерей собственных основ и собственной инициативы. Отсюда — резкая критика как готовых чужих моделей, так и российских политиков, копирующих эти модели³⁹. Результатом регионального синдрома является то, что сама «региональная идея», «региональная модель» определяется и обеспечивается в соответствии с неким перечнем вызовов своей региональной идее. От региональных политиков можно часто слышать, будто для пришедших к власти демократов монетаристская реформа важнее национально-государственного суверенитета. Кремлевских правителей большинство из них оценивает как силу, готовую согласиться с ущербной для России ролью объекта чужой политики. На их взгляд, рыночные реформы, проводимые с 1992 г. сменяющимися друг друга российскими правительствами и некоторыми областями (со ссылкой на Нижегородскую область), лишь крайне надменная и вульгарная форма вестернизации. Она игнорирует и государственные интересы страны, и местные особенности регионов, в том числе культурно-исторические. Именно на этом фоне политические лидеры (в первую очередь, республик), усилили поиск не дискредитированных в массовом сознании политических терминов, отражающих национально-региональную идентичность.

Все это говорит о том, что «новая» Россия для некоторых ее регионов выступает как дефектный политический субъект. Субъект, у которого нет реально проводимого устойчивого стратегического курса, нет единой государственной линии национальных интересов Та-

кой взгляд региональных элит ведет к активизации действий в направлении к собственному политическому самоутверждению, а также к расширению сферы этого самоутверждения. Следовательно, современная модернизация своих регионов мыслится их идеологами вне и поверх разрабатываемых в последнее время Москвой идеологических конструкций «новой России». Примечателен в этом отношении пример из идеологической практики казанских политиков: противопоставление татарского «евроислама» российскому «евразийству». Евразийство рассматривается в Казани как теория, развиваемая с точки зрения сугубо русских интересов и ограничивающая геополитическую свободу Татарстана.

Суть евразийской концепции заключается в том, чтобы объявить Россию (иногда и большую территорию) особым православно-славянским цивилизационным пространством, где произошел синтез различных культур (в основном тюрко-славянских)⁴⁰. При таком подходе, как считают в Казани, татары оказываются «запертыми» в «евразийской мышеловке». В данной ситуации евроислам становится фундаментальным фактором, который «выводит» Татарстан за пределы русско-православной Евразии. Далее. Согласно местной трактовке, в евразийской идеологии, сердцем которой является православие, нет места человеку или народам. Идея евразийского государства является самодовлеющей и требующей жертв со стороны человека. Напротив, евроислам, возникший в результате реформаторского движения в исламе в конце XVIII - начале XIX в. («джадидизм»), соединяет идеи либерализма с исламом, выдвинув на первое место личностное начало и свободомыслие. Таким образом, индивидуализм у татар получил свою идеологическую базу в лице реформированного ислама⁴¹.

Из такого обоснования проистекают два вывода, подчеркивающие несовместимые перспективы России и Татарстана:

♦ российская культура, остающаяся прямой наследницей советской культуры и сегодня ориентированная на православие, крайне плохо приспособлена к потребностям модернизации;

♦ динамичное развитие реформаторства в исламе сделало культуру татар весьма современной и хорошо приспособленной к новым веяниям. Это обстоятельство усиливает стремление татарского общества к прямому контакту с носителями европейской культуры и цивилизации.

Легко заметить, что доктрина реформированного (джадидистского) ислама выступает не только как лекарство от социального кризиса (согласно «теории напряжения»), но и как носитель далеко идущих политических интересов местной власти. Прежде всего евроислам отражает модернистские претензии татарстанской элиты. Евроисламская идентичность служит хорошим подспорьем татарстанскому локальному реформаторству, ибо призвана питать региональную «энергию самовозвышения». На этом фоне изображение православия как антидемократической, антиличностной и, в принципе, антимодернистской силы есть вызов официальной российской власти. Как выразился один из казанских политиков: «...строительство храма Христа Спасителя лишь усиливает впечатление омертвелости русского православия и карикатурности центральной власти» (Т-27).

В терминах данной претензии культурологический синтез евроисламского толка является важной подпоркой внешнеполитической стратегии реализации «Модели Татарстана».

В частности, он призван оградить имидж республики от исламского фундаментализма и других пугающих Запад символов. Об этом четко было сказано Президентом Татарстана Шаймиевым на официальном уровне. Стенограмма фиксирует следующее заявление: «Наш ориентир, безусловно, — Западная Европа. Это для нас особенно важно, этим самым нас не затронет исламский фундаментализм. Нам в данном случае в стратегическом плане выгодно подальше держаться от фундаментализма»⁴².

Исходя из данной стратегии, государственным органам республики предписано усилить внимание к джадидистскому исламу, главным условием развития которого названо свободное развитие татарами своей этнической культуры.

Значение, которое придается в Казани евроисламу, позволяет здешним идеологам утверждать, что «геополитические приоритеты Татарстана никак не могут выстраиваться в узких рамках русско-православной Евразии». Такая стратегия рассматривается ее разработчиками как вызов России, которую последняя вынуждена будет принять.⁵

Таким образом, этот отдельный пример с евроисламом показывает, как в политической практике происходит неизбежное соединение «теории напряжения» и «теории интересов» в единую идеологическую сущность. Так что идеологические символы локализма не аб-

страктны. Они имеют ощутимую корреляцию с понятием «интересы региона». Совместно они порождают локальный политический синтез, о чем подробно будет сказано далее.

При рассмотрении стилистических характеристик, составляющих региональную идеологию, возникает вопрос: существует ли фактор, который кладет предел ее крайним параметрам? Ибо отнюдь не полное торжество радикальных взглядов определило современные политические реалии регионов при всей выраженности доктринального локализма. Даже такие идеологически ориентированные республики, как Татарстан и Калмыкия не стали проповедовать безоговорочный сепаратизм и абсолютный партикуляризм, созданные фантазией наиболее радикальной части местной элиты. В качестве такого ограничителя выделена стилистическая характеристика — стоимость как критерий для оценки политики. Имеется в виду оценка стоимости (определение выгоды или убытка) той или иной политики для региона со стороны правящей группы. Данный признак отражает прагматизм в мышлении и действиях ее представителей. Говорит бывший министр финансов Татарстана Д. Нагуманов: «Многие думают, что Татарстан просит себе особых условий, что суверенитет — способ самоутверждения. Это абсолютно не так. Договорный процесс с Россией сопровождался колоссальной аналитической работой. Мы ведь дошли до осознания, мы созрели для этого. Сначала и в самом деле были такие нотки: мол, Москва нас обдирает. Хотя основания для таких упреков были: ведь выкачали из республики 2 млрд. 600 млн. тонн нефти за 15-20 лет при Брежневле. Почти весь валютный запас СССР формировался на татарской нефти...

Мы провели колоссальный анализ всех денежных потоков, идущих в республику и из республики, всей экономической ситуации. Не так все просто. Вот националисты начали кричать: «Все наше!». А раз наше все, то за все это надо платить. И за оборонку, и за другие бюджетные общероссийские сферы. Так что все подсчитывалось, взвешивалось и оценивалось. И вот в результате всей этой работы пришло понимание, что не все то, что зарабатывается в республике, является нашим. Надо делиться с центром. Он выполняет определенные функции. Например, финансирует высшие учебные заведения, оборонные предприятия. Мы же берем те программы для финансирования, которые можем проглотить. Понимание есть в этой части, ряд федераль-

ных программ берем на себя. И разработали такой пакет документов, чтобы прекратить движение денег «туда-обратно». Так что суверенитет я понимаю очень серьезно, «берешь — плати» (Т-40)

Весьма показательна логика одного из депутатов Госсовета Татарстана: «Еще важный вопрос: проблема рубля и инфляции. Если мы находимся в одном рублевом пространстве с Россией, то все должны принимать одинаковую антиинфляционную политику, которую проводит центр. Иначе инфляцию не победить. Рубль не обманешь» (Т-23).

Логика «рубль не обманешь» обеспечивает надёжную защиту от иррациональных мутаций регионального и этнического интереса, как это произошло в Чечне⁴³. В отличие от способных основываться на рациональном интересе элит Татарстана и Калмыкии, чеченские лидеры действовали, руководствуясь идеей судьбы или миссии. Императив судьбы и миссии вполне вписывается в термины тех притязаний, которые выдвигало дудаевское руководство: полная независимость, установление «нового кавказского порядка» в виде создания «Кавказского общего дома»⁴⁴ и т. д. Этим требованиям вполне соответствовали и заявляемые методы их достижения: «война до последнего чеченца», угроза развязать новую кавказскую войну («Пусть Кавказ горит синим пламенем», — выражение Дудаева), насыщенные фольклорно-мифологическими представлениями. В отличие от революционаристского мессианизма «чеченской революции» татарстанская и калмыцкая элиты, при всем проявляющемся в их среде радикализме по многим вопросам, стараются укладывать ценности и символы локализма в схему взаимодействия интересов как рационально калькулируемых и направляемых устремлений. Последние именно вследствие этого своего качества допускают и даже предполагают компромиссы и смягчения.

В периоды идеологических и цивилизационных поисков двойной статус элиты (как носителя идео-цивилизационных потенциалов и текущих региональных интересов) часто ослабляет именно первые, связывая их реализацию отвлечением энергии на утоление прагматических appetitов. **Как оказалось, идеологические проекты, становясь «формулами правления» локальных правящих групп, образуют поле региональных интересов. Эти интересы и стимулы подводят борьбу за соответствующие идеалы непосредственно под прагматические цели умножения авторитета, безопасности и бо-**

гатства. Обе характеристики — идеалистическое мессианство культурно-символического вызова и статусного образа, с одной стороны, и прагматический рациональный эгоизм, с другой, — вошли в политическую действительность Татарстана и Калмыкии. Этим обусловлено неопрометчивое (в массе своей) политическое самоопределение элит данных республик и разумные пределы идеологических обоснований.

Структура идеологии татарстанской и калмыцкой элит, в которой националистический синдром получил ограниченное место, создает предпосылки для конструктивных решений, связанных с расширением пространства маневрирования за счет инноваций политики и дипломатии («Гаагская инициатива», «глобальный федерализм», «оффшорная зона», «экономико-правовой оазис» и т. д.), включающей совершенствование системы договоров и союзов, институциональное закрепление новых инициатив. Реализация подобных возможностей связана в Татарстане и Калмыкии с наличием значительного массива умеренно и трезво мыслящих держателей власти, которые дистанцируются от крайних лозунгов. Характерен в этом отношении следующий пример. В то время как в Чечне, после прихода Дудаева к власти, происходило повальное вооружение населения, 17 октября 1991 г. в Казани вышел указ Президента Татарстана о запрещении создания и деятельности общественных военизированных объединений и вооруженных формирований на территории Татарской ССР⁴⁵. Данный указ изначально пресекал любые возможности выхода ситуации из-под контроля.

Реалистически и прагматически мыслящие политики кладут предел непомерным притязаниям радикалов, направляя их в более рациональное русло. Как показывает наш анализ, индекс прагматизма среди политиков выбранных мной регионов выражен довольно значительно (табл. 2). И наоборот, эгоистическое преследование интересов под узко-националистическими лозунгами, а также рецессивно-рецидивное следование императивам миссии (судьбы), как это было в Чечне, ведет к эскалации притязаний и к войне как средству решения проблемы.

Любопытно сравнить взгляды представителей высшего руководства провинций с результатами изучения общественного мнения на местах по актуальным проблемам регионализма. Изучение данного мнения, проведенное исследовательской группой Л. Дробжижевой в ряде

российских республик, дает нам такую возможность. Так, оказалось, что идеи национализма не в крайней форме сецессии, а в виде реального федерализма или с элементами конфедеративного устройства разделяются более чем половиной татар. Примерно 30% татар готовы пойти на какие-либо жертвы во имя суверенитета, но кроме войны, на которую готовы идти не более 1-2%⁴⁶. То есть психологию «волков»⁴⁷ готово разделить ничтожное меньшинство народа. Куда более охотно население республики (64% татар и свыше 40% русских) поддерживает идеологию экономического регионализма в виде идеи распоряжения ресурсами. У политической элиты Татарстана по данному вопросу⁴⁸ есть реальная и довольно массовая база.

В случае с Татарстаном проявилась последовательность руководства республики, которая реализовала целый ряд суверенных идей при сохранении разумных границ регулирования конфликта внутри Федерации. Например, Договор между Татарстаном и Россией оценивается и российской, и татарстанской, и мировой общественностью как пример мирного решения конфликта. В самой республике руководство взяло курс на реализацию тех прав, которые получены в результате подписания Договора. Наконец, в отличие от откровенно заявляемого чеченского этно-эгоизма, в Татарстане пропагандируется идеологема «татарстанцы-нация» («многонациональный народ Татарстана, составляющий гражданское общество»), имеется в виду общность как согражданство. Политика, которую декларируют в Татарстане, — это политика культурного плюрализма, подтвержденная в законодательных документах. Она определяется идеологами как разновидность национализма, которая строится не на принципе исключительности, а на способности признать ценности не только своей, но и других этнических культур. Это одно из оснований нормального самочувствия русских в республике: 73% русских в городах оценили в ходе социологических опросов национальные отношения в республике как спокойные и благоприятные. Можно обратить внимание на то, что до 1% совпала у русских и татар оценка жизненной ситуации⁴⁹.

Любопытно рассмотреть в этой связи политическое содержание идеологемы «татарстанцы-нация». Что может скрываться за такой риторической формулировкой? Достаточно точный ответ на этот вопрос дал французский политолог Жан-Робер Равно. По его мнению, правящая элита Татарстана выбрала путь конструирования искусст-

венной «нации», базирующейся на общности экономических и социальных интересов. На основе этих интересов, видимо, предполагается создать местную «высокую культуру», которая станет фундаментом этой «нации». Молчаливо считается, что последняя, в свою очередь, послужит базой для формирования государства. Диагноз Равно таков: законная политическая власть в республике старается избежать обсуждения по существу вопроса об этническом разнообразии (хотя и называет его главной ценностью), тем самым мало затрагивая «непременные исторические корни любой национальной культуры»⁵⁰.

Теоретическое обоснование такому прагматическому курсу правящей элиты Татарстана было дано Р. Хакимовым в книге «Сумерки империи. К вопросу о нации и государстве». В этом труде говорится о том, что «нация — это граждане, объединившиеся в государственную общность независимо от этнического происхождения». Как полагает автор книги, именно государство «превращает какую-либо общность людей в нацию».

Схема формирования нации по Р. Хакимову следующая: самоопределяющийся этнос (коренной народ), который «затягивает в свой водоворот всех, кто живет с ним на одной территории, и далее, в рамках новообразующегося государства сначала формируется «народ, а затем и нация с новой системой ценностей, во многом не совпадающей с прежней»⁵¹.

Это пример того, как правящая элита Татарстана уходит от вопросов, которые могут расколоть республику и увести ее от решения задач, выдвинутых властью. Впрочем, данная логика неплохо сочетается с уже знакомым тезисом о том, что нация и соответствующее государство могут возникнуть только на базе определенной этнической культуры. Что лишенный своего этнокультурного измерения Татарстан вряд ли способен породить «татарстанскую нацию», отличную от россиян, ибо «мы практически не выделяемся из российского культурного пространства»⁵².

Несмотря на наличие значительного идеологического прессинга со стороны радикалов в вопросах о языке⁵³, властям Татарстана приходилось проявлять гибкость и мудрость, чтобы находить согласованные решения. Школы и гимназии на татарском открывали, преподавателей вузов начали готовить, но для открытия университета готовили силы постепенно, а двуязычие для специалистов, руководителей от-

кладывали, учитывая опыт Молдовы, Эстонии и Латвии, где реализация Законов о языке расколола общины.

Стратегия состоит в том, чтобы последовательно реализовать интересы татар, но не в ущерб другим нациям. Ближе всего эта стратегия была к позитивной этнической идентичности. Как сообщает Л. Дробижева, в отличие от политиков в других республиках, в Татарстане не говорят, что у них «нет национализма». Здесь элита знает значение этого слова. Национализм такого типа в мировой науке называют либеральным⁵⁴.

В этой связи позволю себе некоторое уточнение. Сказанное вовсе не означает, что в перспективе Татарстан застрахован от политического радикализма. Последний обладает в республике определенным потенциалом, о чем президента Шаймиева предупреждали местные политические активисты. Один из них даже сравнил Шаймиева с Акелой — литературным персонажем сказки «Маугли». «Если Акела промахнется, — заявил он, — то весь механизм крайней оппозиции с его огромной собственностью, финансами, СМИ закрутится и полностью сметет партию власти»⁵⁵.

Как и в Татарстане, формула правления политической элиты Калмыкии представляет собой соединение ярко выраженного регионального комплекса и умеренного морализаторства по отношению к федеральным властям. Высокий уровень региональной самоидентификации не сопровождается значительными проявлениями местнического экстремизма и национализма. В Калмыкии не происходит резкого формирования националистического комплекса, который бы вырвался вперед, опережая становление экономической общности (в виде создания общереспубликанской корпорации «Калмыкия»). Поэтому путь абсолютизации национального самосознания, превращения его в некую сверхценность оказался для калмыцкой элиты исключенным. Такой взвешенный подход к проблеме со стороны калмыцких политиков позволил избежать опасной тенденции — редукции ценностно-смысловых компонентов сознания до узких рамок националистических взглядов, отрицания ценностей, принадлежащих другим сообществам. Подавляющее большинство калмыцкого политического истеблишмента склоняется к утверждению в России государства, базирующегося на этнотерриториальном критерии как единственном факторе, поддерживающем этнический компонент Федерации.

Любопытно сравнить данные тенденции опять же с чеченским примером. «Национальная идея» в интерпретации идеологов «чеченской революции» приобрела невротический характер, дополняясь экзостатическими срывами в моменты внешней угрозы. Она имела откровенно антироссийскую направленность с изрядной долей вайнахского мессианства. Согласно этой идее, историческое предназначение чеченского народа усматривалось в том, что он призван зажечь «огонь свободы» и воодушевить своим примером народы Кавказа. Конечной своей целью идеологи национал-радикализма полагали создание «Великого Кавказа» под эгидой Чечни⁵⁶. Постоянное обращение к теме кавказской войны и навязчивое политическое присутствие как в зоне военных конфликтов (грузино-абхазском), так и в зоне торжественных празднеств (юбилей аула Анди в Дагестане) представляли собой лишь часть общекавказской активности генерала Дудаева. Крайний вариант этноцентризма, который стал основой идеологии «чеченской революции», в конечном итоге привел республику к катастрофе.

Завершая разговор об указанной стилистической характеристике («стоимость» как критерий), необходимо сказать, что она во всех изучаемых нами регионах стимулирует рациональную работу по выработке того идеологического содержания, на котором вырастает региональный политический синтез. Даже риторическая стратегия сецессионистов во многих эпизодах отражает стремление к получению максимальных экономических преимуществ⁵⁷.

Это показывает, что онтологическое вдохновение в элитной среде дополняется сдержанным анализом и рациональными подсчетами. За счет совокупного действия данных компонентов создается та политическая основа, которая формирует современную реальность в российских провинциях. Показательно в этом отношении принятие «Государственной программы экономического и социального прогресса Республики Татарстан». На совещании у М. Шаймиева было заявлено, что программу «нужно принимать как некую идеологию дальнейшего развития республики»⁵⁸. Таким образом, логика «Рубль не обманешь» способна формировать политику, уравновешивая наиболее радикальные элементы локализма. Именно такое ядро, включающее в себя как философское, так и организационно-инновационное начало, становится точкой опоры для региональной идеологической интеграции, для идейного прорыва, собирающего «начала» и «концы» того

или иного сообщества в новых условиях. Через такое осмысление и самоопределение лежит путь к региональному политическому синтезу, к осуществлению различных «моделей» регионального развития. Умеренная тенденция в развитии региональной идеологии объясняется также **эволюцией** данного феномена. Особенно отчётливо она начала проявляться с конца 1995 г. К тому времени региональные идеологии, бросавшие вызов в начале 90-х гг., нашли самоупокоение от самореализации. Полученные выгоды и завоёванные в результате политического самоутверждения привилегии и санкции усредняют требования и нейтрализуют первоначальный порыв. Особенно ярко подобная эволюция проявилась в поведении татарстанской элиты. На этапе политического насыщения она стала глушить социальное эхо ранних лет борьбы за суверенитет, умело раздуваемое ею же. Получив вождельные права по распоряжению собственностью, ресурсами, политическими и экономическими институтами, правящая элита заземляет романтический экстремизм до бюрократической умеренности. Происходит рутинизация харизмы региональных лидеров, символов и смыслов регионализма, а полученная власть начинает выступать для локальных элит как самоцель, а не средство. Ещё одной причиной подобной эволюции региональных идеологий стали определённые гарантии несменяемости региональных руководителей, подгонка правовых актов под конкретные персоны (в данном случае под М. Шаймиева, К. Илюмжинова, Д. Аяцкова).

Выводы по главе

1. Развертывание политических идеологий локальных элит в наиболее существенных их аспектах показало, что данные идеологии есть полное выражение природы представителей властвующих элит как homo politicus. Проведенный анализ подтвердил версию о том, что наряду с функцией отправления власти выработка идеологий является областью политического призвания элиты. Он подтвердил также выдвинутое нами допущение, которое поставило под сомнение подход к РФ как к сообществу «X+1», где «X» — субъекты Федерации, а «1» — национальное правительство. Рассмотрение российского общества как некой суммы политических субъектов «x+1» ограничивает

его подлинное понимание. Оказалось, что рождение новых региональных траекторий развития — это органика, а не механика.

2. Структура и стиль элитных систем взглядов сильно различаются по кросс-региональному признаку. Каждая из рассмотренных региональных элит отличается индивидуальным характером. Последний определяется разнообразными обстоятельствами: историческим наследием, природой региональных и эгоистических интересов, постановкой конкретных целей, представлениями о друзьях и врагах. Все эти обстоятельства концентрируются и проявляются в идеологии. В итоге российские локальные реалии оказываются настолько неоднородными, что не укладываются в надуманные «несколько основных тенденций».

3. Высокую конъюнктуру идеологий (эквивалент идеологического синдрома) отличает выраженный культурологический подход. Ее также отличает поиск и мобилизация соответствующих типов национального культурного наследия. Концепции «естественных путей» и «региональных интересов», подчеркивающие уникальность «национальных организмов», уходят корнями в собственное культурное и локальное содержание. Отсюда и черпается элитой своя «правда», свой «великий текст» против безликости официально проводимой в России политики. Через такую концептуально осмысленную мобилизацию формируется и бросается региональный политический вызов центру. Каждый рассмотренный нами регион воплощает одно из проявлений современного российского развития. В свою очередь центр не смог обозначить явственного интеллектуального противовеса идеологически «оснащённым» региональным элитам.

4. Экспрессивное политическое поведение, которое, по мнению С. Вербы, Э. Шилза и др.⁵⁹ подчеркивает идеологичность, не является безоговорочным признаком идеологического в политике. Наш анализ показал, что те люди, которые в излишне воинственной форме отстаивают принципы регионализма, часто упрощают эти принципы, осмысленные и изложенные идеологами-теоретиками. Поэтому вряд ли стоит однозначно сводить идеологию к догматизму, экстремизму, враждебности и в целом к политической патологии. Такой взгляд оказывается особенно несостоятельным в качестве эмпирического обобщения, как описание современных политиков Татарстана, Калмыкии, Нижнего Новгорода и Саратова. Может иметь место случай, когда

определенные идеологии в специфических исторических ситуациях склонны к нетерпимости и враждебности. Это значит, что мы не получили однозначного подтверждения гипотезы «2» Шилза-Патнэма о том, что «те политики, которые имеют характеристику «А», также имеют характеристики «В2-Вн» (согласно таблице 1). Экстремизм, враждебность, догматизм не являются фундаментом идеологического в политике. Наиболее полно соотносится с идеологией теоретическое и дедуктивное мышление. В основании каждого существующего регионализма как идеологии мы увидели Мыслителя. Именно концептуальные и дедуктивно организованные идеологические концепции поставляют материал для регионального политического синтеза.

5. Абсолютно бесперспективно выявлять строгие границы между идеологом и неидеологом на том основании, что первый — теоретик и эксцентрик, а второй — прагматик. Вряд ли стоит с точки зрения идеологии оценивать повседневность однозначно негативно и, соответственно, предлагать трансцендентальный исход из неё. Складывающееся в процессе повседневной жизни практическое мировоззрение может представлять собой связь знания и убеждения, а не просто голый прагматизм. Тем самым я вновь вынужден подтвердить функцию правящей элиты как носителя идео-цивилизационных потенциалов и текущих политических интересов.

6. Обнаруживая наиболее глубокие, предельные объяснения политики, идеология обозначает идеалы, интересы, фундаментальные цели и другие формирующие политику принципы. Это подтвердил в своем интервью бывший губернатор Нижегородской области: «Идеологические воззрения поволжского начальства, которые Вас интересуют, по-настоящему являются сутью экономических приоритетов» (Н-34).

Примечания

¹ Это далеко не самый законченный список, включающий компоненты «идеологической политики». Пытаясь свести воедино характеристики идеологии, Малкольм Хэмилтон, например, идентифицировал 27 его элементов (Hamilton M. The Elements of the Concept of Ideology // Political Studies. 1987. №1. P. 18-38).

² Shils E. Ideology and Civility. On the Politics of the Intellectual // Sewanee Review. 1958. LXVI. P. 450-480. Более поздняя версия этой статьи: Shils

E. The Concept and Function of Ideology // International Encyclopaedia of the Social Sciences. 1968. Vol. 7. P. 66-76.

³ Putnam R. Studying Elite Political Culture. The Case of «Ideology» // American Political Science Review. 1971. № 3. P. 651 -681.

⁴ Ibidem. P. 660-665.

⁵ Наиболее яркие примеры такой техники: работа Натана Лейтеса и знакомое уже по предыдущим главам исследование Ульриха Матца: Leites N. A Study of Bolshevism. N.J., 1953; Матц У. Идеология как детерминанта политики в эпоху модерна // Полис. 1992, № 1-2. С. 130-142.

⁶ Spiro. H. Government by Constitution. The Political System of Democracy. N.Y.: Random House, 1959. P. 172-210.

⁷ Verba S. Comparative Political Culture / Political Culture and Political Development. Ed. by L. Pay and S. Verba. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1965. P. 544-548; Waterman H. Political Change in Contemporary France. Columbus, Ohio, 1969. P. 113-13 8. Наиболее развернутое применение этого понятия—в модификации «идеологический стиль»—было сделано Патнэмом (Putnam R. Studying Elite Political Culture... P. 656-661).

⁸ Данная форма указывает на код региона («Т», «К», «Н», «С») и код респондента согласно его расположению в списке политиков.

⁹ Более подробное изложение данной концепции см.: Хакимов Р. Подходы к федерализму в России: вариант Татарстана. Казань, 1994. С. 9-10.

¹⁰ См.: Andrian Ch. Democracy and Socialism. Ideologies of African Leaders / Apter D. (ed.) Ideology and Discontent. N.Y.: The Free Press, 1964. P. 155-205; Ahmed I. The Concept of an Islamic State. Stockholm: Department of Political Science of University of Stockholm, 1985; Abrahamian E. Radical Islam. The Iranian Mojahedin. London: Tauris, 1989; Новое время. 1992. № 47. С. 9.

¹¹ В работе Чарльза Линдблома данная практика получила название «беспвязный инкрементализм» (Lindblom Ch. The Intelligence of Democracy. N.Y.: The Free Press, 1965. P. 143-151).

¹² Putnam R. Studying Elite Political Culture ... P. 664.

¹³ Земба Т.Д. Куда ведут навязчивые идеи, или историки Молдовы в поисках утраченного времени // Россия и современный мир. М.: ИНИОН РАН. 1995. № 2. С. 197-198; Левяш И. Я. Средняя Европа: структура и геополитический выбор // Полис. 1995. № 1. С. 58-60. Весьма примечательны в этой связи указы Президента Татарстана о создании в Республике Института истории, который возглавил госсекретарь Президента по политическим вопросам Рафаэль Хакимов (Указ № УП-355 от 14.06.96 г. «О создании института Истории АН Республики Татарстан и Указ № УП-355

от 14.06.96 г. «О возложении на Хакимова Р. С. исполнения обязанностей директора Института истории АН РТ» // Протокольный отдел Аппарата Президента РТ).

¹⁴ Левяш И.Я. Там же.

¹⁵ Шовунов К.П. Исторические истоки программы первого Президента Республики Калмыкия//Выбор Калмыкии. Элиста, 1995. С. 10-11.

¹⁶ Хакимов Р. Россия и Татарстан: у исторического перекрестка // Панорама-Форум. Казань, 1996. № 4. С. 43, 48.

¹⁷ Вряд ли можно назвать случайным то, что аргументация другого республиканского лидера — президента Башкортостана М. Рахимова совпадает с приведенным отрывком местами вплоть до формулировок (см.: Сегодня. 1994. 13 августа).

¹⁸ Солник Ст. «Торге между Москвой и субъектами Федерации о структуре нового Российского государства: 1990-1995 // Полис. 1995. № 6. С. 105.

¹⁹ Цит. по: Дробижева Л. Национализм в республиках Российской Федерации: идеология элиты и массовое сознание // Панорама-Форум. Казань. 1996. № 4.

²⁰ Катусhev К. П. Сородичи за рубежом и деятельность общества «Хальмг Тангч»//Выбор Калмыкии. Элиста. 1995.С. 108-113.

²¹ Подобные опасения звучат и от наиболее влиятельных лидеров республик. См.: Шаймиев М., Рахимов М., Николаев М. За последовательную демократизацию и федерализацию России (Послание Президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину)//Панорама-Форум. Казань. 1995. № 1. С. 3-6.

²² Барзилов С, Чернышев А. Регион как политическое пространство // Свободная мысль. 1997. № 2. С. 4.

²³ Стенограмма встречи Вице-Президента Республики Татарстан Лихачева В. Н. с делегацией Европарламента 23 марта 1995 г. // Протокольный отдел Администрации Президента РТ.

²⁴ Дискин И. Идеология «Новой России»: почва и ростки // Сегодня. 1996. 4 апреля. С. 5.

²⁵ Хакимов Р. Россия и Татарстан: У исторического перекрестка. Казань, 1996.

²⁶ См.: Лексин В., Андреева В. Региональная политика в контексте новой российской ситуации и новой методологии ее изучения. М, 1993. С. 151.

²⁷ Хакимов Р. Год упущенных возможностей. Казань, 1994. С. 2.

²⁸ Баталов Э. Без идеала // Свободная мысль. 1996. № 3. С. 76.

²⁹ Колонийцев В. Идеи власти и власть идей//МЭиМО. 1996.№3.С. 145.

³⁰ Комсомольская правда. 1996. 10 апреля.

³¹ Клямкин И. М. Какой авторитарный режим возможен сегодня в России? // Полис. 1993. № 5. С. 65, 66.

³² Магомедов А. К. Политические элиты российской провинции // МЭ и МО. 1994. №4. С. 72-79.

³³ Барзилов С, Чернышев А. Провинция: элита, номенклатура, интеллигенция // Свободная мысль. 1996. № 1. С. 44-56.

³⁴ Интересно сравнить данный анализ с идеологическими ориентациями региональной бизнес-элиты. Как отмечает нижегородский исследователь Н. Распопов, взгляды известных в регионе бизнесменов отражают причудливую смесь либерализма, консерватизма, социализма, национализма и т.д. (Распопов Н. П. Теоретические проблемы политической активности нижегородского бизнеса на выборах в Госдуму (Декабрь 1995 года) // Нижегородские выборы - 95: новые тенденции и старые уроки. Нижний Новгород, 1996).

³⁵ Это подтверждается результатами масштабного эмпирического проекта ученых Института социологии РАН по изучению представителей органов власти и руководителей предприятий шести российских областей (Мозговая А.Б. Экономика и гражданское общество. М., 1996. С. 27.)

³⁶ Российская Федерация. 1995. № 15. С. 16.

³⁷ Муха В. Сибирское плечо России // Международная жизнь. 1993. № 4. С. 44-47, 55.

³⁸ Данным термином я обязан В. Федотовой: Федотова В. Г. Судьба России в зеркале методологии // Вопросы философии. 1995. № 12. С. 21-34.

³⁹ Особенно показательна критика Р. Хакимовым статьи «Татарстан танцует в медвежьих объятиях», опубликованной в «Уолл стрит джорнэл». Госсоветник Президента Татарии пишет, что «немалая вина за творящийся в России хаос лежит на американских советниках, рекомендовавших «шоковую терапию». В этом, на его взгляд, заключается причина отторжения в Татарстане «сомнительных рецептов Джеффри Сакса» // Молодежь Татарстана. Казань. 1995. № 11. 17-23 марта.

⁴⁰ Панарин А.С. Россия в Евразии: геополитические вызовы и цивилизационные ответы // Вопросы философии. 1994. № 12. С. 19-31.

⁴¹ Исхаков Д. Модель Татарстана: «за» и «против». (Продолжение) // Панорама-Форум. Казань. 1995. № 2. С. 65-69.

⁴² Стенограмма встречи Президента Республики Татарстан Шаймиева с Президентом Конгресса местных и региональных властей Европы Александром Черноффым 11 мая 1996 г. // Протокольный отдел Администрации Президента Республики Татарстан.

⁴³ Здесь я вынужден выйти за рамки избранной аналитической конфигурации. Как и Татарстан, Чечня — регион, который с точки зрения развития сепаратистских тенденций можно назвать пороговым. Через их сравнение можно показать грань, отделяющую осмысленную суверенизацию от иррациональных вариантов локализма и самооценки.

⁴⁴ Сарматин Е. С. Проблемы «чеченской революции» // Полис. 1993. № 2. С. 170; Итаев В. Чеченское пепелище кремлевской политики // Правда. 1995. 16 февраля.

⁴⁵ Общий отдел Аппарата Президента Республики Татарстан.

⁴⁶ Дробижева Л. Национализм в республиках Российской Федерации: идеология элиты и массовое сознание // Панорама-Форум. Казань, 1996. № 4.

⁴⁷ Психологию «волков» пытались сформировать крайние националисты из организаций Иттифак и ВТОЦ. З. Аглиуллин писал: «Борцов за свой язык, свое государство мы называем волками. Тех татар, кто на стороне сильных... мы называем собаками. Волков немного, но они сильны духом. .. в национальном движении мы объединяем тех, у кого волчий дух» (Там же).

⁴⁸ Выраженность в ее среде данной характеристики («Стоимость как критерий»), получаемой сложением «максимальной» и «умеренной» её признаков (по табл. 2), достигает 72%.

⁴⁹ Дробижева Л. Национализм в республиках Российской Федерации: идеология элиты и массовое сознание // Панорама-Форум. Казань, 1996. № 4.

⁵⁰ Равно Ж.-Р. Типы национализма, общество и политика в Татарстане // Полис. 1992. № 5-6. С. 49. Указанные особенности дали основание французскому ученому отметить наличие двух ипостасей Татарстана. В этих двух ипостасях как нельзя лучше отражается отмеченный нами двойной статус элиты как носителя сразу и идео-цивилизационных потенциалов, и текущих региональных интересов.

⁵¹ Хакимов Р. Сумерки империи. К вопросу о нации и государстве. Казань, 1993. С. 49.

⁵² Исхаков Д. Модель Татарстана: «за» и «против» // Панорама-Форум. Казань, 1995. № 1. С. 46-58.

⁵³ Так, в статье «Язык больше, чем власть» говорится, что перевод татарской письменности в 1928-30 гг. с арабской графики может оцениваться как событие «более роковое, чем падение Казанского ханства», «... у народа отняли историческую память» // Татарские края. 1995. № 38. Октябрь.

⁵⁴ Дробижева Л. Указ. соч.

⁵⁵ Стенограмма встречи Президента Республики Татарстан М. Шаймиева с представителями общественно-политических объединений 12 ноября 1994 г. // Протокольный отдел Администрации Президента РТ.

⁵⁶ Сарматин Е.С. Там же. С. 170.

⁵⁷ Стенограмма встречи Госсоветника при Президенте Республики Татарстан по политическим вопросам Хакимова Р.С. с послом Турецкой Республики 16 мая 1996г. // Общий отдел Аппарата Президента РТ.

⁵⁸ Стенограмма совещания у Президента Республики Татарстан Шаймиева М.Ш. по вопросу «Государственная программа экономического и социального прогресса Республики Татарстан» 20 мая 1996 г. // Протокольный отдел Аппарата Президента РТ.

⁵⁹ Verba S. Comparative Political Culture. Political Culture and Political Development Princeton, New Jersey, 1965. P. 545; Shils E. Ideology and Civility; Christoph J. Consensus and Cleavage in British Political Ideology // American Political Science Review. 1965. № 2. P. 625.